

КУЛЬТУРА ЗАВОДСКИХ РАБОЧИХ СТАРШИХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП

САТКА, ЧЕЛЯБИНСКАЯ ОБЛАСТЬ

Дмитрий Rogozin

Владимир Картавец

Сатка — Москва
2014

Общее описание проекта, методологической рамки и эмпирической базы

Текст данной работы подготовлен по итогам проекта «Культура заводских рабочих старших возрастных групп», полевая часть которого была проведена в рамках IV Летней школы отделения культурологии НИУ ВШЭ в июле 2014 года в г. Сатке Челябинской области. Параллельно от Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС разворачивалось формальное исследование с привычными методическими подходами: фокус-группы, интервью.

Итого, в ходе двухнедельного пребывания в городе были проведены 4 фокус-группы, взяты 25 биографических интервью и 6 экспертных; помимо этого, были записаны беседы с информантами, встречи с которыми произошли без предварительной договоренности. Помимо аудиоматериалов, были собраны также разнообразные визуальные материалы, документы, полевые заметки.

Вся описанная совокупность послужила эмпирической базой нашей работы.

Говоря о методологических предпосылках данной работы, мы должны отметить, что придерживались идеологии *extended case method*¹ – т.е. пытались соединить микро- и макроуровни анализа с опорой на собранный этнографический материал. Сюжет данного текста, тем не менее, не предполагает проблематизации методологических предпосылок этого уровня.

¹ См.: Burawoy, Michael. 1998. "The Extended Case Method." *Sociological Theory* 16(1):4-33; Tavory, I. and S. Timmermans. 2009. "Two Cases of Ethnography: Grounded Theory and the Extended Case Method." *Ethnography* 10(3):243-263.

РАЗДЕЛ I

Исходные теоретические предпосылки

На этапе подготовки к полю исследование в г. Сатке планировалось выстроить через привлечение концептуального аппарата одного из ответвлений теории постсоциализма – TSOL (“Total social labor approach”) с тем, чтобы показать особенности «расширенной (или «неформальной») занятости» на материале интервью и бесед с рабочими старших возрастных групп. Для того, чтобы в достаточной мере убедительно продемонстрировать, как именно преобразился наш концептуальный аппарат по итогам поездки, ниже мы бегло коснемся проблематики исследований постсоциализма вообще и TSOL в частности².

Говоря об актуальном состоянии экономической социологии и смежных ей дисциплин (а именно сюда мы относим исследования постсоциализма), спектр современных представлений о хозяйственном устройстве обществ может быть сведен к трем доминирующим концепциям.

Во-первых, теоретическим и идеологическим мейнстримом в этой области выступает ассоциированная с неолиберальным мышлением дихотомическая пара «рынок - план», различительная способность которой выступает в качестве предпосылки для обоснования девелопменталистских концепций реформирования обществ, не включенных в ареал «первого мира». В рамках этой пары различений помимо очевидного деления экономик на, собственно, экономики рыночного типа и экономики плановые, в определенный момент с неизбежностью возникает концепт экономики «переходного типа», который позволяет описать тот тип хозяйственного устройства, который характерен для обществ, переживающих процесс перехода от плана к рынку. Неизбежность перехода подобного рода воспринимается адептами этого направления в качестве телеологической догмы, либо же используется вполне утилитарно с целью обосновать собственную идеологическую позицию.

² Более подробно этот сюжет разобран нами в: Картавцев В. В. «Социология труда: этнографические исследования и теории среднего уровня» // Эссе по курсу SC002, МВШСЭН, 2014.

Критика такого мышления ведется с самых разных позиций, однако наибольший теоретический вес имеют те конструкции, в рамках которых ведется работа одновременно и по экспликации объяснительной слабости концепта «экономики переходного типа», и по выявлению несостоятельности самой идеи о существовании чистых экономических форм: плана и рынка. Конкретные направления этой критики и составляют два других господствующих направления в современной экономической социологии и, в не меньшей мере, экономической антропологии. Ими являются концепции моральной и разнотипной экономик, олицетворяющих собой обоснованное сомнение насчет неизбежности неолиберальной парадигмы.

Продуктивность подобного сомнения может быть доказана единственно возможным образом – отысканием ответа на вопрос о том, что именно объединяет как экономические системы бывших социалистических государств, так и «развитые экономики», однако без привлечения девелопменталистского лексикона. Двигаясь в этом направлении, «партия критиков» столкнулась с необходимостью изучения низовых, повседневных экономических практик, что, далее, привело к актуализации антропологического дискурса и органично включенных в его содержание концептуальных элементов – обмена, дара, долга и, наконец, сообщества.

Способы указанной актуализации антропологического дискурса в рамках социолого-экономических исследований и являются тем водоразделом, который позволяет отграничить морально-экономический контекст от контекста разнотипных экономических укладов.

Основанием для такого разделения выступает либо а) приверженность к дихотомии рыночное / не рыночное поведение с дальнейшей спецификацией типов именно не рыночного поведения, либо б) представление об экономическом устройстве, как устройстве принципиально множественном, сочетающем в себе сразу несколько режимов поведения, и рыночное в том числе.

Сущность основания а) может быть описана следующим образом: «Для того, чтобы отобразить экономическое разнообразие в повседневной экономике сообщества, большинство концептуальных рамок конструируются, исходя из представления о существовании рыночной и не рыночной деятельности, чтобы затем детально разобрать последнюю, выделив в ее содержании определенные типы. Самый распространенный подход заключается в том, чтобы указать на формальную рыночную сферу, где товары и услуги производятся и распространяются в рамках денежного обмена с целью получения прибыли; кроме этого, выделяются три типа нерыночных практик, в которых члены домохозяйств вовлекаются в неоплачиваемую работу для обеспечения себя, либо близких;

немонетизированные экономические практики, вовлекавшие членов домохозяйств в работу на чужака; а так же не-для-прибыли монетизированные экономические практики, что значит, что сама по себе прибыль не является движущим стимулом в претворении этих практик в жизнь»³.

Несколько иной подход, реализованный, в частности, в работах Дж. К. Гибсон-Грехем⁴, предполагает существование «трех подкатегорий экономических транзакций, а именно: рыночные, альтернативно-рыночные (например, любые недеклалируемые монетизированные обмены, а также бартер) и внерыночные (например, дарение), а кроме этого подразделяет трудовые практики на три обширные группы: оплачиваемая работа, работа, оплачиваемая альтернативным образом (за наличные или реципрокно), и неоплачиваемая работа (забота о семье, самозанятость)»⁵.

Представители каждого из указанных направлений (Р. Пал⁶, некоторые работы К. Уильямса; Дж. К. Гибсон-Грехем) исходят из дихотомического противопоставления рыночного и внерыночного экономического поведения.

Сюда же следует отнести работы Кэролайн Хамфри и круга ученых, ориентирующихся на ее исследования. Говоря об этом, следует обратить внимание на критику Колина Уильямса, который замечает, что «Проблема заключается в том, что, выявляя определенное разнообразие в сфере внерыночных практик, в рамках данных подходов сам рынок рисуется в качестве отдельной унифицированной реальности, не имеющей отношения к внерыночным обменам. Другими словами, рыночная экономика противопоставляется отдельной «моральной» экономике, которая включает в себя иные ценности, социальные отношения и мотивы действий [...] Подобное дихотомическое представление рынка и не-рынка как отдельных, враждебных друг другу миров сегодня, тем не менее, является неприемлемым»⁷.

Другое направление (модель разнотипной экономики), теоретически фундированное идеей об экономической жизни сообщества как жизни синхронно многомодальной, т.е. сочетающей в себе одновременно как разнообразные виды рыночной деятельности, так и виды деятельности внерыночного характера, опирается на

³ Williams, C.; Nadin, S.; Rodgers, P.; Round, J. (2012): Rethinking the nature of community economies: some lessons from post-Soviet Ukraine. In *Community Development Journal* 47 (2), pp. 216–231. P. 218.

⁴ Gibson-Graham, J. K. (2008): Diverse economies: performative practices for 'other worlds'. In *Progress in Human Geography* 32 (5), pp. 613–632.

⁵ Williams, C.; Nadin, S.; Rodgers, P.; Round, J. (2012): Rethinking the nature of community economies: some lessons from post-Soviet Ukraine. In *Community Development Journal* 47 (2), pp. 216–231. P. 218.

⁶ Pahl, R. E. (1984): *Divisions of labour*. Oxford [Oxfordshire], New York, N.Y.: B. Blackwell.

⁷ Williams, C.; Nadin, S.; Rodgers, P.; Round, J. (2012): Rethinking the nature of community economies: some lessons from post-Soviet Ukraine. In *Community Development Journal* 47 (2), pp. 216–231. P. 218.

иной круг имен и в первую очередь на работы Мириам Глюксманн⁸, Ребекки Тейлор⁹ и Колина Уильямса¹⁰.

Модель экономических отношений, представленная в работах указанных авторов сводима к представлению о пространстве, заданному двумя осями: горизонтальная ось отражает движение от рыночных практик к внерыночным, вертикальная – от не монетизированных к монетизированным.

Авторы выделяют десять типов отношений, располагающихся в этом пространстве: первые пять (1) формальная оплачиваемая работа в частном секторе, 2) формальная оплачиваемая работа в публичном секторе, 3) неформальное трудоустройство, 4) монетизированные обмены внутри сообщества, 5) монетизированный труд в семье) располагаются в континууме от рыночных практик к внерыночным, занимая два верхних квадранта, вторые пять (6) формальная неоплачиваемая работа в частном секторе, 7) формальная неоплачиваемая работа в публичном секторе, 8) неформальная не монетизированная работа в организациях, 9) частные, лицом-к-лицу не монетизированные обмены, 10) труд вне практик обмена) также располагаются в континууме от рыночных отношений к внерыночным, однако занимают два нижних квадранта схемы¹¹.

Общие особенности коррекции теоретической рамки исследования

Изначальная концептуализация задач «саткинского» проекта с опорой на работы представителей TSOL также подверглась серьезной коррекции. Напомним, что в рамках первичной постановки исследовательских задач предполагалось «наложить» друг на друга две теоретические рамки – с одной стороны, теоретическую рамку TSOL, образованную пространством ежедневных практик обмена (модель экономических отношений Тейлор-Уильямса), а с другой – рамку «жизненных траекторий» (для этого брались биографические интервью) с той целью, чтобы вывить особенности и, возможно, даже

⁸ Glucksmann, Miriam A. (1995): Why Work? Gender and the Total Social Organization of Labour. In *Gender Work & Org* 2 (2), pp. 63–75; Glucksmann, Miriam (2005): Shifting boundaries and interconnections: Extending the ‘total social organisation of labour. In *The Sociological Review* 53, pp. 19–36.

⁹ Taylor, R. (2004) 'Extending Conceptual Boundaries; Work, Voluntary Work and Employment'. *Work, Employment and Society*, Vol. 18 (1), pp. 29-49, Cambridge; Cambridge University Press.

¹⁰ Williams, C. C. (2011): Geographical variations in the nature of community engagement: a total social organization of labour approach. In *Community Development Journal* 46 (2), pp. 213–228.

¹¹ Williams, C.; Nadin, S.; Rodgers, P.; Round, J. (2012): Rethinking the nature of community economies: some lessons from post-Soviet Ukraine. In *Community Development Journal* 47 (2), pp. 216–231. P. 219.

закономерности распределения тех или иных обменных действий в зависимости от той или иной фазы (этапа) жизни. Именно поэтому в выборку были включены рабочие старших возрастных групп – их биографии должны были послужить ключом ко всей тематике.

Однако даже относительно непродолжительное пребывание в Сатке изменило исследовательскую проблематику. Проведенные интервью, случайные разговоры с людьми на улицах города, беседы с представителями власти и бизнеса, изучение местной элиты, внимание к циркулирующим в Сатке слухам, наблюдения за жизнью людей – все эти влияния, сойдясь в какой-то момент воедино, подтолкнули к размышлениям об особенностях социальной структуры небольшого уральского промышленного города. В итоге показалось правильным, что исходный концептуальный аппарат мало отвечает задачам этнографического обследования, т.к. слишком узок и позволяет говорить лишь о небольшой части феноменов, не являющихся ни ключевыми, ни, вероятнее всего, характерными для той среды, в которой мы оказались.

Социальную жизнь Сатки – места, куда более благополучного и перспективного, нежели окружающие ее города – «раздирают» внутренние конфликты, ощущаемые «в воздухе», однако никем не проговоренные с достаточной степенью ясности и убедительности. Эти конфликты являются, с одной стороны, отражением глобальных социо-экономических процессов, а с другой – составляют лицо российского промышленного моногорода. Описание этих конфликтов и, следовательно, описание «линий напряженности» социальной жизни – такая задача появилась на повестке дня, когда мы чуть ближе познакомились с полем.

Новая задача требовала новой концептуализации. Так появилась на свет асимметрия теоретического уровня, заключающаяся в дрейфе от лексикона TSOL и Life Course Studies к лексикону, оперирующему такими единицами как человеческий и социальный капитал, моральная экономика и рыночные обмены.

На практическом уровне обозначенная теоретическая асимметрия выражалась в своеобразном «билингвализме» – задавая вопросы о налоговых ставках, размере пенсий и отношениях стариков с молодыми, мы выводили разговор на темы счастья, здоровья, отношения к себе, восприятия будущего, смерти, справедливости, уважения и авторитета.

Возвратившись из поля мы получили возможность отбросить это двуязычие и теперь кажется правильным обозначить этнографическую задачу саткинского проекта как задачу по описанию (с опорой на накопленный эмпирический материал) конфликта между носителями противоположных рациональностей, находящихся и уживающихся в общем пространстве «прекаризированной» экономики.

Общий взгляд на социальную ситуацию г. Сатки

Социальная ситуация в г. Сатке, которая на первый взгляд смотрится куда более привлекательно, нежели аналогичная ситуация во многих окружающих ее городах, при более детальном изучении выглядит как череда укорененных конфликтов.

Ранее мы показали, какой набор концептов послужил для нас отправной точкой в теоретическом осмыслении положения небольшого города. Исследования постсоциализма, как наиболее широкая из экономико-социологических рамок, взятых нами на вооружение, претерпела существенную коррекцию в поле, однако свою задачу выполнила – задала определенный вектор рассуждений и подтолкнула к поиску концептуального аппарата в определенном направлении.

Нам по-прежнему остались важны особенности экономических обменов, однако на место обменов в рамках повседневной экономики пришли обмены более широкого характера – обмены рыночные и обмены в сфере моральной экономики. Оба последних концепта содержатся в эксплицитном виде в концепции TSOL, однако мы не только расширили сферу их применения, уйдя от среды повседневного, но и заинтересовались механизмами продуцирования *приверженности к сферам практик* тех или иных обменов, т.е., другими словами, нас стала занимать область, механизмы столкновения и социальные предпосылки *обменных рациональностей* разных типов.

Рассуждая о специфике обменов, мы не могли не натолкнуться и на пространство теоретической проблематики, связанной с изучением капиталов разного типа, самыми значимыми из которых для нас на данном этапе стали *капиталы социальные и человеческие*.

Разматывая эту цепочку ассоциаций еще дальше, мы не могли не соотнести ее объяснительную силу с теми фактами социальной жизни, которые встали перед глазами.

Говоря о последних, надо дать краткую зарисовку того, чем живет и чем дышит Сатка – один из промышленных городов Южного Урала. Как и любой другой моногород, Сатка «собрана» вокруг одного, самого мощного в округе драйвера экономической жизни. В данном случае таким драйвером выступает завод «Магnezит», заложенный в 1901 году и ставший горнодобывающим гигантом в советское время. Помимо этого крупного предприятия в городе есть еще и Саткинский чугуноплавильный завод (СЧПЗ), однако

производство на его базе менее крупное, чем производство на «Магнезите», и назвать СЧПЗ градообразующим нельзя.

История «Магнезита» во многом сходна с историей многих других заводо-гигантов советской эпохи, переживших крах социалистической экономики в 90-е годы XX века. Оправившись от потерь, сменив ряд собственников, перенеся кризисы 1998-го и 2008-го годов, «Магнезит» обнаружил перед собой новые вызовы, преподнесенные новой экономической конъюнктурой.

Выстроенный под добычу и первичную переработку сырья (магнезитовая руда), завод столкнулся с необходимостью диверсифицировать свое производство, гибко отвечая на запросы рынка, очень быстро ставшего глобальным. Для того, чтобы выживать в подобных условиях, заводу требовались немалые вложения в модернизацию производства, которая влекла за собой радикальное изменение структуры и состава рабочей силы.

Вместе с этим, в наследство от советских времен «Магнезиту» достался неподъемный в новых условиях багаж социальных обязательств, не выполнять которые невозможно в силу особенностей системных отношений между заводом и его работниками, составляющими львиную долю населения Сатки. С другой же стороны, выполняя эти обязательства, завод теряет всякую надежду на будущее, т.к. это элементарно экономически невыгодно.

Балансируя между этими двумя огнями, «Магнезит» продолжает существовать и создает впечатление относительно процветающего предприятия (здесь заводу сильно повезло с особенностями рынка огнеупоров и спецификой добываемого сырья). Тем не менее, одной рукой руководству предприятия приходится раздавать блага – в этом отношении можно было бы сказать лишь об одной программе социальной поддержки 4500 работников-пенсионеров, но и то, что делается для поддержания более-менее сносной жизни в городе также весьма существенно; а другой – безжалостно обрывать социальные и рабочие связи, борясь за экономическую эффективность – так, численность персонала завода сократилась с 14-16 тыс. человек в советское время до 5-6 тысяч на сегодняшний момент.

Противоречивость сложившейся ситуации осознается всеми – и руководством завода, и жителями города. Однако осознание ситуации не приводит к ее принятию, что неизбежно влечет за собой целый ряд медленно тлеющих конфликтов.

Жители города понимают, что банкротство и закрытие «Магнезита» утянет с собой на дно и всех их вместе взятых, однако и любить завод вроде бы не за что, т.к. его руководство проводит довольно жесткую, экономически рациональную политику.

Руководство предприятия, в свою очередь, не может придерживаться исключительно критериями экономической рациональности, т.к. тогда не останется никакой жизни в городе, что будет означать крах бизнеса. Но и отношение к горожанам складывается соответствующее – настороженно-недоверчивое. Обе стороны конфликта не вполне правы и справедливы в своих суждениях и оценках.

Следующий ниже ряд этнографических зарисовок послужит, мы надеемся, для того, чтобы заострить внимание читателя на отдельных сторонах жизни города.

Труд и заработок

Зарплаты у большинства саткинцев низкие — в среднем 20-30 тысяч. Если доходит до 50-60 — это расценивается как очень хороший доход. За такую работу надо держаться, не отпускать. Хотя и за меньшие деньги работу просто так не найдешь. Родственные и дружеские отношения блокирует свободный спрос на рынке труда. При всей декларируемости профессиональных требований, он сильно ограничен личностными предпочтениями. Рабочие специальности — не исключение. Да и требуется рабочих не мало. Потому рынок труда в Сатке — это во многом рынок производственный, опасного, тяжёлого, ручного труда.

Умение работать руками требует не только физической силы и выносливости, но и сноровки, опыта. Потому остаются востребованными «старики»: мужчины и женщины, выходящие на пенсию раньше привычных в средней полосе норм. В 45 или 50 — для женщин и 50 или 55 — для мужчин. Зависит от вредности производства, подземного стажа. Даже с учётом плохого здоровья возраст не тот, чтобы считать себя дряхлым, ни на что не способным старцем. Кто-то находит занятия в семье, но многие стремятся остаться, продолжить работу. Если будет удача, получится перейти на более лёгкую работу — хорошо, если нет, работать пока позволяет здоровье — безальтернативный выбор. Иначе нельзя, иначе просто смерть.

Начальству выгоден пожилой сотрудник. Опыт имеется и притязаний не много. С одной стороны, пенсию получает — доход почти сопоставимый с заработной платой, с другой — опыт имеет, сноровку. Там, где молодой день потратит, пожилой за час справится:

М(65): У нас одно время руководство комбината пошло по такой линии – начали предлагать пенсионерам уволиться, ссылаясь на то, что молодежи негде работать. Но они потом со временем пришли к тому, что молодежь, придя на производство, требует...

просит зарплату, на которую жить можно, а на 10 000 вот он квалифицированный слесарь 5 разряда, если никаких доплат – 13-15 тысяч. Их это не устраивает. И вот сейчас на комбинате тормознули пенсионеров убирать, а так бы давно всех убрали.

Ж(57): Нет, и, знаете, еще стаж. Вот человек, который проработал слесарем, электриком, он опыт имеет работы в производстве. Придут молодые люди, они же не очень хотят работать, им надо деньги получать. Опыта нет, того нет, то есть пробуксовывает производство. Они пока это войдут, пока обучатся, пока настроятся. Страдает производство от этого, оборудование часто простаивает из-за этого, то есть старые уходят кадры, а молодые еще не обученные. Вот тоже вот это очень отражается на производстве.

У каждого оклада есть своя зарплатная вилка: минимальная ставка, средняя и максимальная с учётом всех возможных надбавок. Это позволяет работодателю маневрировать при изменении конъюнктуры рынка, перекладывать часть рыночных рисков на рабочих. Колебания заработной платы, отмена тех или иных привычных надбавок не понятна рабочим. Действительно, выработка та же, нагрузка не изменилась, а доход падает. С точки зрения трудового договора всё нормально, поскольку почасовая или сдельная оплата не изменилась. Отменили лишь надбавки, которые к настоящему времени достигают половину дохода. Работодателю выгодно иметь низкие ставки и высокие премии — это и есть экономический рычаг, отказ от бремя постоянный издержек, и косвенная привязка любого труда к сбыту продукции.

Гораздо болезненней для работающих не абсолютные значения окладов, а различия, возникающие на ничем не мотивированном, кроме каких-либо личных отношений, основании:

Ж(57): Просто начальство говорит: «Так вы пенсию получаете». Вот у нас на складе два кладовщика, мы одинаково получаем. Одна позже девушка пришла. Позже меня – она старший кладовщик. Мне не дают: «А ты пенсионерка, зачем тебе? Ты же пенсию получаешь». А работу одну и ту же выполняем. Одну и ту же! Так мне просто обидно. Почему мне не дадут? А так вот. Ну, вот так.

Но даже обида ни к чему не приводит. Пенсионеры — наиболее лояльная и принимающая такие правила группа: «Держат на работе, не выгоняют, и ладно» (**ж, 57**).

Отношение к элитам

Разруха, промышленное безвременье напрямую связывается с нынешним руководством когда-то процветающего комбината: «Каждый проходящий в перестроечные периоды старался меньше вложить, больше взять»:

И: Ну что совсем что ли плохо стало?

М(60): Ну так если предприятия вымирают, вы считаете это хорошо? Москва скупает все предприятия. <...> Когда-то процветающий Магnezит был. Процветающий. Сейчас продукция из Китая перебивает эту продукцию качеством, количеством, ценой.

И: Шансов нет, вы думаете?

М(60): (пауза) Будем говорить, практически, уже не стало. Хотя это было процветающее (пауза) предприятие. <...> Каждый проходящий в перестроечные периоды старался меньше вложить, больше взять.

Ничего не изменилось. «Хозяева меняются. Всё отдано на откуп предпринимателям», которые либо москвичи, либо перебрались в Москву:

И: Сейчас то вроде устаканилось, другие времена.

М(60): Нет, нет. Абсолютно те же. Хозяева меняются. Всё отдано на откуп предпринимателям.

И: Такие гиганты на откуп отдельным лицам?

М(60): Конечно, конечно, конечно. Ну давайте так возьмём, Северсталь, кто возглавляет? Личность? Норникель...

И: Но это далеко, а Магnezит?

М(60): Москва.

И: Москва разве?

М(60): Москва, Москва.

И: Но из Москвы то не науправляешь.

М(60): Ну как, почему-то Москва всем управляет. Везде успевает. Там же в Москве как — вот такой домик стоит (демонстрирует большой и указательный палец с зазором на сантиметр). Вот. Сидит один клерк, а у него много предприятий по России. Ведь главное — рейдерский захват.

Местная власть, по мнению нашего собеседника, — всего лишь ширма, представительство московской. Нет ни воли, ни собственного голоса. Решения принимаются за них, а главы города и района лишь принимают к сведению, берут в работу. На этом их миссия заканчивается. Простое, однолинейное управление, барщина,

по другому не скажешь. «Пришёл один барин — пришла его команда. Пришёл другой барин — пришла его команда»:

М(60): Ну давайте посмотрим на Госдуму.

И: *Как-то вы все далеко. Давайте на местную власть посмотрим.*

М(60): Да какие они власть? Вы что? Какая власть? Вот Главу Саткинского района поставил Магnezит. А Магnezита — Москва. Вы чо?

И: *Тожe местная власть.*

М(60): Какая местная? Да они ни одного решения не принимают. <...> Нет, всё это, как было, ничего не меняется. Пришёл один барин — пришла его команда. Пришёл другой барин — пришла другая команда.

Справедливость — в деньгах. Кто богаче, кто при власти — тот и прав, у того и правда. Так воспринимается руководство. За этим скрывается незнание, помноженное на пересуды, слухи, телевизор, да еще «Аргументы и факты», — практически, единственная газета, востребованная в регионах. Центральные медиа работают продуктивнее, дают больше информации для размышлений, для аргументации безвременья. Потому и говорить легче о центральной власти. Своё — вторично, подчинено воле внешних, более могущественных сил, которые определяют ритм местной жизни, подталкивают в пропасть безденежья. Не исправляет ситуацию и положительное отношение к власти. Отчуждённость прорывается в последней оборванной фразе:

Ж(57): Наша администрация, по-моему, очень много делает для города, так что я уезжать никуда не хочу. Мне достаточно, хватает дачи. На выходные там поработаешь, отвлечешься от городской суеты. И вообще комбинат я свой люблю, хотя он сейчас уже и не наш...

Кризисная занятость

Городской рынок. Крытое пространство. Солнечный свет пробивается, режет глаза. Торговля не бойкая. Народ подходит, приценивается, выбирает. Нас встречают настороженно, с недоверием. Первое время отвечают с заминкой, пытаются лучше сформулировать мысль, соответствовать заезжим гостям. Интервьюеру надо переждать первое напряжение встречи, и многое изменится. Натужную речь сменит улыбка и быстрый, порой комканый рассказ о жизни. Слышишь сетования на спад интереса к рынку, засилье торговых сетей, конкуренцию... Куда без этого? Любопытно другое. На

вопрос, стояли бы за прилавком, если работа была в другом месте, все без исключения отвечают, — конечно, нет. Рынок отнимает много сил. Прилавок — не призвание.

Ж(53): Сама бы никогда не пошла, а детям и подавно не присоветую такой доли. Они у меня учиться уехали. Будут в Челябинске жить. И слава богу, что даже не смотрят в эту сторону.

Тоже говорят коммерсанты, владельцы небольших магазинчиков. Дети не смотрят в сторону торговли. Бизнес лишь для себя, чтобы выжить. А была бы другая работа с достойным заработком, выбор бы однозначный в её пользу:

Ж(40): Если бы я знала в самом начале, когда после училища пошла сначала в магазин продавцом, что столько придется пережить, училась бы дальше. Никакого сомнения, лучше в офисе сидеть, чем по точкам мотаться и продавцом за руку ловить.

Осмысленный труд для многих остался в производстве. Там, где видна продукция, где создаётся что-то новое, значимое, грандиозное. Магнезит, огнеупорная продукция, пыль от больших строек — то, что наполняет жизнь смыслом, поддерживает жизнь. Торговля — от безденежья, от нужды.

Есть исключения — это приезжие, с Азии или Кавказа. Для них рынок — естественная среда, место жизни, смысла, социального статуса. Здесь получаешь не только доход, но и устанавливаешь отношения. Становишься полезен власти, которой отдаёшь свой долг. Абсолютное удовлетворённость ситуацией. Иначе и быть не может. Иначе и работать не имеет смысла:

И1: Вы довольны этой работой?

М(62): Доволен, доволен.

И1: Вот она лучше, чем учитель, да?

М(62): Да. Ну здесь люди уважают. Они меня уважают. Как родные. Я служил два года. Среди русских, татарин, узбеки. Мне нравится. Здесь мне очень нравится. А я приеду туда (в Таджикистан). Месяц побуду. Нет, тянет в Россию. Тянет к друзьям.

И2: А Сатка лучше становится или хуже?

М(62): Нет, лучше.

И2: Лучше.

М(62): Сатка лучше и лучше.

И1: Интересно, а в чём это проявляется?

М(62): Асфальтируют дорогу, вовремя пенсию приносят. Четвёртого её приносят и отдают. Лучше и лучше.

И2: А кто её делает лучше? Есть люди в Сатке, которые её делают лучше?

М(62): Это вот саткинские?

И2: А кто?

М(62): Это Глава...

И2: Глава города?

М(62): Глава города. Это насчёт, ну, который преступления. Милиция тоже. Хорошо работает.

И2: А вы знаете их?

М(62): Да (протяжно). Я всех их знаю.

Вахтовая жизнь, без свободного времени, с отложенными до встречи семейными отношениями. Свободное время — это даже не роскошь. Нужно ли оно? Заказ на плов, заготовка. Посмотреть новости и уснуть до следующего дня, встреч с важными людьми, улыбок и рукопожатий. Семья — как стержень, оправдание вахты. Но жизнь уже в Сатке, накрепко привязавшей, создавшей условия не только для себя, но и большой семьи там, на Родине в Таджикистане:

И1: А внуков сколько у вас?

М(62): У меня десять.

И1: Десять. Вы имена не забываете?

М(62): Я не знаю, честно слово. Имена не знаю. Я приеду. Они, оп, очередь, зайдут ко мне. Целую, (взмахивает рукой) под жопу. Всё. Имена не знаю, честное слово.

И1: (смеётся) Ай-яй-яй.

М(62): Ну я живу с сыном. У нас обычай такой — только с сыном.

И1: Да.

М(62): А дочери выходят замуж. Она другой фамилию берёт. Мы только с сыном. А я, сын, три дочери. У сына — два дочи, два сын. У сына четверо.

И1: Да.

М(62): У доча — три сына. У младшей доча — два доча, один сын.

И1: (одобрительно с улыбкой) Ай-ай.

М(62): Десять.

И1: У сына знаете, как детей зовут?

М(62): Дочери не знаю, а два сына я знаю.

Примкуль¹², а именно о нём пока шла речь, сформировал хорошо выстроенную систему отношений, удобную и комфортную для работы. У него есть помощники. Одного

¹² Примкуль, 62 года. Из Таджикистана, Ленинабадской области. Уже 22 года живёт в Сатке, в прошлом учитель автодела в учебном комбинате при заводе в Таджикистане. Служил на Урале, так и остался. Сначала армейские друзья

я видел. Суровый, грузный мужчина средних лет, на две головы выше Примкуля. Готовит шашлыки и безоговорочно выполняет распоряжения. Видно, что всецело зависит, как и Примкуль зависит от нескольких людей при власти. Но зависимость эта добровольная, со своим расчётом. Съёмная квартира, труд с шести утра и небольшой, но постоянный денежный ручеёк домой, на Родину. А тут ещё недавно пенсию российскую стал получать: «Мне на всё хватает. Я очень благодарен России. Я пенсию получил».

При абсолютно лояльном отношении к местной власти, руководству комбината, не желании говорить что-то негативное, у женщины слетает с языка «хотя он сейчас уже и не наш», и она тут же замолкает, уводит разговор в сторону. Текущие преобразования и реорганизации, создание множество юридических лиц на месте прежнего единого производства, привело к тотальному отчуждению работников от когда-то родного предприятия.

Возрастная не востребованность

Как бывает в социальном мире, нет однозначных, внеполярных ситуаций. Так и здесь. Распространённость пессимизма, обид, ухода в себя среди старшего поколения, связано не столько с возрастом, потерей личных притязаний, сколько с катастрофическим снижением интереса к пожилым со стороны работодателей. Тональность бедной старости, немощности, в лучшем случае, подлежащей лишь опеке и заботе — это и вклад других возрастов в стигматизацию старшего поколения, вытеснение его с рынка труда, где уход на пенсию лишь очередной этап (легитимированный государством) снижения интереса к работнику. Учиться в старших возрастах бессмысленно. Наши собеседники испытывают неловкость от вопросов об образовании: одни недоумевают, другие усмеваются. Но никто не видит особого смысла учиться, поскольку человек в возрасте интересен лишь на низкооплачиваемых, вовсе не требующих образования должностях:

И: Вы уже сказали, что в старшем возрасте лучше уже не учиться, то есть уже куда учиться? Некуда. А почему? Неужели после какого-то возраста уже бесполезно получать новые знания, навыки?

Ж(57): А для чего? Вот скажите, для чего? Новой профессии что ли?

помогли, потом уже сам дружбу наладил. Торгует специями на саткинском рынке. Живёт втроем с молодыми ребятами на съёмной двухкомнатной квартире, недалеко от рынка. Все деньги отправляет в Таджикистан. Построил себе и сыну дом. Никуда не ездит, только жену и внуков раз в год навещает. Они остались там, на Родине. Жизнь проходит на рынке и это место очень нравится: все знакомые, родные. Даже в родном посёлке уже всё чужое. Поживёт несколько недель и назад, нечего там делать, разве что жену повидать. Порекомендовал с Примкулем поговорить директор городского рынка, молодой парень с напряжённой улыбкой: «Примкуль — старожил, со всеми ладит... Он и у меня за место не платит. Что с него возьмешь? Торгует специями. Ещё шашлыки делает. Иногда пойдёшь, пообедаешь. Угощает от души».

И: Новой профессии.

Ж(57): А где применять ее, эту новую, в Садке вот конкретно? Может, в каком-то городе, в Челябинске где-то, может, есть смысл. А в Садке смысла нет учиться. Может, я хотела бы учиться, а где эту специальность новую применить, если даже той специальности, которая есть, не востребована? Только пол мыть там, посуду и прочее. Это можно и без образования. Я вот лично смысла не вижу.

Ж(60): Если только для себя, и все.

Уход человека в семью, переосмысление своего места в мире, принятие иных ценностей, отказ от какой-либо внешней социальной активности обусловлены и общим социальным контекстом, недружественным по отношению к старикам.

Семейные традиции

Не раз подмечено, если разговор заходит о семейных ценностях, отношениях среди близких, основным хранителем родственных связей называется старшее поколение. Бабушки и дедушки собирают семью вместе, пишут или рассказывают о прошлом, активно интересуются дальними родственниками, зовут в гости и радушно принимают приехавших. Старика в семье — её фундамент, основа, позволяющая думать о развитии, задающее направление, поддержанное опытом, историей, житейской мудростью. Начинаешь расспрашивать о личных проблемах и тут же получаешь рассказ о детях и внуках, узнаёшь проблемы пожилых и тут же получаешь рассказы о сложностях, с которыми сталкиваются дети.

И: Вопрос-то вот в чем — насколько сложно сменить работу именно перед пенсией? Как на это работодатель смотрит?

Ж(57): Что-то мы не проходили через это даже.

Ж(65): Тяжело, конечно, было.

Ж(60): Но если везде сейчас в объявлениях пишут: приму туда-то, возраст до такого-то, стаж работы такой-то должен быть. Вот меня всегда удивляет — человек заканчивает институт, ему 25 лет. Приму на работу, но стаж работы, опыт работы должен быть не менее 3-5 лет.

М(56): А с чего он возьмется-то?

И: Значит, вы в выигрышной ситуации, у вас-то стаж ого-го!

Ж(60): У нас-то стаж, но у нас возраст не тот.

Ж(65): А молодежь-то, вот они же не могут устроиться на работу.

Ж(60): Пришли они, вот сейчас студенты выпустились – их нигде не берут.

Ж(57): Я же говорю, у дочери высшее образование — 7000 зарплата. Как можно с высшим образованием 7000 получать? Это работа в теплосиловом цехе.

И: Молодежь-то найдет свое место, а вот если вы уже на пенсии, то сложно найти здесь работу, как вы считаете?

М(56): Конечно.

М(57): Конечно, сложно.

Ж(58): Здесь вообще невозможно найти. Для молодежи нет работы.

Старший возраст — единственный в своём роде период жизни, когда мысли о себе переопределены мыслями о близких. Альтруизм, готовность отдать всё для счастья детей, сопереживание и принятие проблем молодых — отличительная черта, вероятнее всего, не только наших собеседников.

Цена места

О чём бы не заходил разговор с саткинцами, избежать пространственных маркеров не удалось. Говорить о жизни и не упоминать о родном городе, комбинате или России в целом нельзя (рис. 2).

Рис. 2. Пространственная локализация дискурса

Люди путаются с текущими названиями юридических лиц, образованных в последнее время, по-прежнему обобщая их до комбината «Магnezит». С ним связаны представления о труде, производстве, достойной жизни, технологическом прогрессе.

Люди комбинаты объединены в династии, работают семьями, поддерживают родственников, обретают друзей. Тяжёлый труд сплачивает, образует коллективы, которые так или иначе не распадаются и после расформирования. Неформальные сети сохраняются. По ним транслируются слухи, которые с готовностью воспринимаются и передаются из уст в уста. Тема комбината сквозная. Не упомянуть о ней нельзя. О чём бы не заходил разговор, производство выходит на первое место. Для одних это источник личного дохода, для других — благосостояние клиентов, для третьих — воспоминания о прошлом, дружеские связи и т.д. История комбината пронизывает семейные истории, создаёт смысловые поля, придаёт смысл индивидуальным биографиям.

Рядом рассказ о Сатке, чаще как дополнении к комбинату. Место рекреации, проживании тружеников. Сатка создавалась для поддержания производственных мощностей, она не самодостаточна. Так её и воспринимает старшее поколение. Не будет комбината, не будет и Сатки. Хотя это дом, родные места, фантастически красивая природа. Привычное во многих уголках России сравнение со Швейцарией у каждого второго всплывает и здесь, на Урале. Но вся красота вторична и может быть принесена в жертву промышленному производству, поскольку в нём видится мощь и процветание города, сила человеческого духа. Комбинатом можно гордиться, ему можно приносить в жертву себя. Место природы — релаксация и отдых, что-то несерьезное, для развлечения.

Наконец, общероссийская риторика концентрируется вокруг Москвы, Президента, федеральной власти. Саткинские страсти отходят на задний план. Правда и кривда производится в Москве. Там определяется направление, решается ключевой вопрос о будущем Сатки. В такой перспективе цена места не велика. Край любим и дорог, но эта любовь не оправдывает его сохранение и преумножение. Основа всего — производство магнезита и магнезитовых изделий, объёмы которого снижаются. Сохранение этой тенденции не подлежит сомнению. А значит, свой век нужно доживать, но детям предполагается лучшая доля, жизнь в каком-то другом российском городе, из которых наиболее вероятен Челябинск.

Сместить приоритеты с комбината на города и район — задача не из лёгких. Но пока этого не будет сделано, ни о каком постзаводском развитии не может быть и речи. Не поддержанные населением преобразования обречены на провал. Навряд ли следует искать компромиссы между трудом и досугом. Скорее следует переопределить последний, разрушить жёсткие рамки, ограждающие производственную занятость от иных, казалось бы, вспомогательных активностей. Акценты остаются прежними: магнезит, Сатка, Россия. Вот только первый должен разделить место с иными индустриями: туризмом, дизайном, природным ландшафтом, спортивными и поддерживающими здоровье активностями —

всем тем, что может изменить облик города, сместить его образ с тяжёлого промышленного гиганта к легкой, изменчивой и современной агломерации разнообразных интересов, в основе которых всё так же остаётся ценность территории, символический капитал места.

Сейчас цена места, условная ценность Сатки продолжает снижаться, приближаясь к нижнему, критичному уровню. Не замечать это — значит игнорировать прямую угрозу, не принимать вызов, уходить от созидательных решений. Для стабилизации социальных отношений, предотвращении роста неудовлетворённости и ожиданий наихудших исходов, следует, опираясь на мировоззрение самих жителей, смещать представления о правильной и достойной жизни как рабочего подвига к стабильному устойчивому развитию родного края. Городом нужно гордиться, а не спасать его от разрушения. И для подобного изменения восприятия нужно совсем немного — закрепить и усилить обиходные, бытовые представления о месте, повысить его стоимость, прежде всего, в глазах самих жителей.

Досуг, потребление и туризм

О туризме говорят много и часто. Туристический кластер, культурные объекты, новые, нетипичные для Сатки события – все это предмет для оживленного обсуждения. Демонстрация «Девятого вала» Айвазовского, шедевра, привезённого из Русского музея — событие этого ряда, элемент организации культурной жизни, рассчитанной на более широкий, туристический контекст.

В беседах с жителями тема туризма звучит часто. Нам не нужно дополнительно спрашивать. Респонденты сами заводят разговор, как только затрагиваем вопросы будущего Сатки, возможного развития. Но такие разговоры уже строятся на отрицании. «Не верю я в будущее туризма. Не заместить им существующие производственные объемы», — типичный ответ жителя города, не входящего в ближайший круг реформаторов. Неверие приводит к сопротивлению, если не явному, то скрытому, замешенному на бездействии, отсутствии какого-либо интереса к благоустройству места, к невозможности переосмысления своего присутствия в нём.

Сатка — не первый и не последний промышленный город уходящего индустриального столетия, столкнувшийся с необходимостью выбора: сокращаться, свёртывать производство и какую-либо активность, постепенно уходить в небытие или искать новые формы, актуализировать иные ресурсы, по большей части связанные с культурной и туристической активностью. Сейчас иного пути не видно. В любой точке

мира, переживающего кризис материального производства, эффективные, замещающие индустрии имеют иную, надматериальную природу. Они воспринимаются местными жителями с недоверием и усмешкой, оттесняются на периферию социальной и трудовой жизни. Это не удивительно. Туризм, с его гедонистической установкой, направленной на поиск новых впечатлений, культивирование созерцательности, противостоит культуре традиционных производств: «Это отпуск, отдых, который дан для наслаждения, а не работы» (из разговора на улице). Джон Урри отмечает, что туристические товары и услуги в некотором смысле избыточны, излишни для повседневной жизни [Urry, 2002, p. 2]. Потребление и саморазвитие не терпит монотонного, единообразного труда, промышленной рутины. Одинаково верно и обратное неприятие. Для труженика, работяги яркие комбинезоны, сплав на каяках, восхождения, гитара у костра — это хорошее времяпровождение, увлекательное действие, но не главное, не основное, чему следует посвятить жизнь, ради чего можно и нужно жертвовать временем, увлечениями, личной свободой.

В рамках городской культурный туризм может рассматриваться как выражение и результат конкуренции мест, индикатор растущей экономической власти культуры, отношение между центрами и перифериями, с доминированием настоящего в производстве и потреблении. Вопрос о том, как реализуется такое отношение, как становится предметом обширного теоретизирования. Джон Урри вводит понятие «туристического взгляда» как способа концептуализации возникновения и потребления туристических мест. Для Урри туризм — это досуговая активность, которая изначально противостоит регулярной и организованной работе. Туристический взгляд возникает как движение людей, их пребывание в одних местах и перемещение в другие. Рассматривание мест не связано напрямую с оплачиваемой работой и зачастую противостоит ей [Johnson, 2009, p. 35].

Можно было бы закрыть глаза на противостояние уходящей промышленной эпохи и новых для Сатки культурных форм самоорганизации. Точно зная исход этой нешумной борьбы, такое решение представляется оптимальным и взвешенным. Люди, настаивающие на необходимости искать новые промышленные производства, обречены на неудачу. Проблема в другом. Производственная, заводская идентичность — это типичная черта саткинцев. Она определяет их мир, задаёт круг допустимых и недопустимых поступков, формирует мировоззрение, оценки, представления о будущем. Отказаться, не замечать приоритет производства в мнениях и убеждениях людей — обрекать грандиозный проект с развитием туризма на медленное и вялое развитие, исключить городское население из

среды заинтересованных лиц (stakeholders). Развитие туризма опирается на инфраструктуру, в которую включены вещи и люди. Не достаточно обладать лишь разветвленной сетью гостиниц и хорошими дорогами (что, само по себе, безусловно, чрезвычайно важно), необходимо развивать культурный ландшафт. Во-первых, формировать места, привлекательные, удобные, притягивающие внимание. Во-вторых, воспитывать людей, открытых, извлекающих и дающих смыслы, другим, приезжим, погружающих чужаков в самобытную культуру места. Поскольку речь идёт о новом освоении территории, переопределении и переосмыслении её границ, прагматичней отказаться от навязывания местному сообществу чуждых для него ценностей креативных индустрий, от колониальных практик «приобщения» к миру иных ценностей.

Возможна иная перспектива, примиряющая индустриальный взгляд на действительность с её новыми формами. Расширение границы личного и публичного пространства, преобразование не только дворовых территорий и городских дорог, но и мест более удалённых, позволяет сравнивать такого рода деятельность не с туризмом, направленным на открытие пространства для ищущих новых впечатлений зевак, а с работой, например, геолога или геодезиста, востребованной самим сообществом, воспринимаемой здесь-и-сейчас в качестве производительного труда. Столь невинная подмена смыслов, отказ от убеждения жителей в пользе туризма может снизить социальное напряжение и, де факто, привести к совместной работе по преобразованию заброшенных индустриальных пространств, девственных лесных массивов, приспособление их для созерцания и восприятия как местными жителями, так и приезжими туристами.

Город и его политика

Другим сюжетом в этой истории являются статусные микрополитические игры, ведущиеся в среде городского бизнеса, где «Магнезит» пусть и самый крупный игрок, но далеко не единственный.

Эти игры ведутся за символический капитал, который каждая из партий надеется со временем тем или иным образом монетизировать. В этом смысле репутационные потери и приобретения акул (и китов) саткинского бизнеса могут быть весьма существенными, причем далеко не на символическом уровне.

Именно в таком контексте стоит расценивать разнообразные жесты местных «уважаемых людей» – начиная от организации публичных праздников и заканчивая масштабными проектами по культурному преобразованию города (проекты по

реконструкции домов и дворцов культуры, организация длительных экспозиций шедевров мировой живописи, приобретение земли под организацию парков отдыха и т.п.).

Наблюдая за этими процессами в поле, мы пришли к мысли, что и динамика социальных конфликтов, и механизм перетекания символического капитала, есть вещи, во-первых, взаимосвязанные, а, во-вторых, их источник следует искать в области столкновения обменных рациональностей разного типа. Не упуская при этом из вида и проблематику социального и человеческого капиталов, мы пришли к следующей простой схеме, иллюстрирующей связь обменных логик с разными типами капиталов:

	Человеческий капитал	Социальный капитал
Логика рыночных обменов	А	В
Логика моральных обменов	С	

Таб. 1

Набор соображений, который лежит в подоплеке данной таблицы, довольно прост: а) обмены понимаются предельно широко и бывают разных типов – как рыночные¹³, так и моральные¹⁴; б) обмен представляет собой социальное отношение; в) разные обмены конституируют разные отношения¹⁵; г) акторы обмениваются и, соответственно, вступают в отношения по поводу разных типов капитала; д) разные типы обменов по поводу разных типов капитала конституированы разными обменными рациональностями, обозначенными в таблице буквами А, В, С.

Типология капиталов

¹³ См. приведенный выше список литературы в разделе об исследованиях постсоциализма, в особенности Уильямс, Глюксманн, Тейлор.

¹⁴ См., например: Powelson, John P. 1998. *The Moral Economy*. Ann Arbor: University of Michigan Press; Cheal, David J. 1985. *Moral Economy: Gift Giving in an Urban Society*. Winnipeg: Dept. of Sociology, University of Manitoba; Thompson, E. P., and Filippo Osella. 1991. *The Moral Economy of the English Crowd in the Eighteenth Century*.

¹⁵ См. Подробнее: Humphrey, Caroline and Stephen Hugh-Jones. 1992. *Barter, Exchange, and Value: an Anthropological Approach*. Cambridge: Cambridge University Press; Humphrey, Caroline. 2002. *The Unmaking of Soviet Life: Everyday Economies After Socialism*. Ithaca: Cornell University Press.

Размышления о развитии территории сразу отсылают к междисциплинарной традиции: урбанистика, социальная география, государственное управление, моральная экономика, социальные, культурные и политические исследования. Рамка капиталов — почтенный, можно сказать, в веках выдержанный концепт, по началу разработанный экономистами в традиции классической политической экономии, а уже в двадцатом веке растражированный во все без исключения науки, имеющие отношение к социальным проектам (рис. 1).

Рис. 1. Типология капиталов

В центр помещен символический капитал места, или ценность территории для проживающих и приезжих, инвесторов и зевак, богатых и бедных, выживающих и находящихся в поиске новых увлечений — одним словом, всех тех, кто может обратить внимание на регион. Символическим его делает акцент на смысловой, эмоциональной ценности пространства. Не важно, что располагается на территории, ценность ей придаёт — восприятие этих объектов, отношение и эмоциональная привязанность к ним. Перед нами в чистом виде нематериальная ценность, субъективно полагаемый капитал, если перефразировать известного классика. Нарращивание символического капитала — первейшая задача урбанистов, но сделать это напрямую не удастся. Реификация нематериальных активов напрямую невозможна. Поэтому были введены еще три теоретических конструкта: человеческий, культурный и социальный капиталы, которые и образуют питательную среду для успешной капитализации территории.

Человеческий капитал традиционно связывается с образованием, годами, проведенными в студенческой среде, трансформацией образовательных практик от дискретного юношеского послушания к обучению длинной в жизнь, непрерывному образованию. Следуя той же логике непрерывности, иногда добавляют капитализацию в собственное тело, здоровье, или физическое образование, физическую культуру [Schultz, 1961; Becker, 1993]¹⁶. Здоровье и образование — две фундаментальные для человеческого капитала сферы. Социальный капитал определяется плотностью и эффективностью отношений. С одной стороны, важна разносторонняя сеть социальных связей, с другой — статус и место людей, с которыми поддерживается коммуникация. Операционализация социального капитала производится через рассмотрение семейных и родственные связей, дружеских и производственных отношений. Культурный капитал опирается на здравый смысл, местное локальное знание, понимание текущего контекста, уместности тех или иных действий. Плюс к этому или вопреки культура создается через эрудированность, умение поместить локальное в глобальные рамки, увидеть частное как проявление более общих процессов. Цитирование и воспроизводство фрагментов из разнородных культурных сред, привязка их к текущей ситуации задаёт эрудированность как основной атрибут культурного капитала.

Экономическая метафорика нам нужна не для всеобщей унификации ситуации и выделение из неё наиболее эффективных компонентов. В первую очередь оптика капиталов позволяет сконцентрировать внимание на долгосрочном, инвестиционном потенциале региона, перестать оперировать семантикой решения проблем, а сосредоточиться на развитии и приумножении имеющегося.

Логика функционирования моральной экономики

¹⁶ Говард Беккер упоминает о медицинском обслуживании как элементе человеческого капитала, но продолжает настаивать, что образование составляет его основную базовую часть [Becker, 1993, p. 17] Экономисты иногда включают в расчёт человеческого капитала показатели, характеризующие здоровье населения (см., например: [Osipian, 2009, p. 134-135]), но по-прежнему рассматривают их лишь как вспомогательные показатели. Отчасти причина заключается в лучшей представленности и сопоставимости образовательных практик в статистических отчётах разных стран. Так, Арарат Осипиан, анализируя ситуацию в постсоветской Украине и граничащих с ней государствах и имея в распоряжении лишь агрегированные статистические данные, вслед за коллегами, операционализирует капитал весьма странным и отвлеченным образом, как долю студентов или врачей на 1 тыс. жителей [Osipian, 2009, p. 137, 139], не беря во внимания ни качество высшего образования и здравоохранения, ни изменяющиеся особенности поступления, ни подготовку медицинского персонала. Аналогичным образом поступают сотни исследователей, рассматривая годы, проведенные за партией, число ступеней образования и прочие количественные оценки для своих расчётов. Другими словами, человеческий капитал, рассчитанный на макроэкономическом уровне, весьма сомнителен по надёжности получаемых результатов, на что обращали внимание многие исследователи [Dolton, Levacic, Vignoles, 2004, p. 47].

Что касается «моральных обменов», то теоретический контекст здесь таков. Термин «моральная экономика» был введен в научный лексикон А. В. Чаяновым и его коллегами, которые в 20-е годы XX века показали, что повседневная экономическая практика семейно-трудового хозяйства (крестьянской общины) в России была нацелена не на получение прибыли, а на добывание средств, достаточных для существования его членов.

В рамках этой логики, внутренне определяющей направленность экономической практики, получение прибыли от хозяйственной деятельности не только не представляется необходимым, но и активно осуждается, т.к. неизбежно предполагает разделение людей по уровню их достатка и, тем самым, ведет к изменению структуры социальных связей, собираемых вокруг идеи о единстве базовых нужд и потребностей.

Рыночная логика, напротив, поощряет предпринимательскую инициативу и перспективное мышление, рисуя совершенно иной образ одобряемого поведения. Такого рода поведение направлено на максимизацию приносимой хозяйством (или производством) прибыли, что, далее, открывает больше степеней свободы для собственника, позволяя ему выстраивать личную биографию без оглядки на давление традиции, обычая или коллективного мнения членов общины.

Концепт «моральной экономики» долгое время оставался важным инструментом в исследованиях социальных и культурных антропологов, изучавших традиционные общины крестьян. Однако в конце XX – начале XXI века экономическая антропология расширила область использования этого концепта, указав на то обстоятельство, что процесс перехода от «традиционных» обществ к индустриальным не предполагает обязательного исчезновения тех социальных связей, которые характерны для крестьянской общины или сообщества.

Внутренняя логика морально-экономических обменов, концептуализируемая на уровне обыденного языка в понятиях «справедливости» и «постоянства», предполагает равное распределение достаточных для нормальной жизни ресурсов, в то время как рыночная логика находит свое языковое выражение в понятиях «прибыли» и «перспективы».

Обе эти логики, конституирующие различные типы экономического поведения – и, соответственно, различные типы этик – не существуют отдельно друг от друга, но образуют замысловатые сочетания, что означает синхронную многомодальность индивидуального хозяйственного поведения.

Выделение и анализ таких типов экономической практики напрямую связано с проблемой (ре)концептуализации сообщества, т.к. вне рамок традиционного общества оно

не дано исследователю в чистом виде. Тем не менее, мы в состоянии выделить в отдельную категорию ряд случаев, в рамках которых существенное напряжение между логикой рыночных обменов и обменов в рамках моральной экономики заостряет характерологические черты тех социальных связей, которые лежат в основании сообщества.

Наше предположение заключается в том, что ситуации такого рода характерны, например, для государств, переживших радикальную трансформацию экономического уклада в результате кризиса социализма в конце XX века. Переход от плановой экономики к рыночной привел к необходимости оптимизации работы индустриальных производств, что повлекло за собой видоизменение всей системы обменов. В особенно затруднительном положении оказались сообщества жителей малых городов, сконцентрированных вокруг градообразующих предприятий-гигантов.

Обменная рациональность тип А

Возвращаясь к Таб. 1, заметим также, что каждая из трех ее ячеек означает ту или иную социальную группу, являющуюся носителем той или иной обменной рациональности, предполагающей, как было сказано выше, тот или иной тип обменных отношений, расценивающийся в качестве наиболее комплементарного в рамках данной группы. Соответственно, как возможные конфликты, так и вероятные союзы между различными группами можно анализировать (и прогнозировать) исходя из предложенной матрицы.

Мы не берем на себя смелость давать какие-либо развернутые обозначения областям пересечения в рамках этой матрицы, оставив лишь нейтральный буквенный код. Ниже, опираясь на материалы интервью, взятые в саткинском поле, мы продемонстрируем, как именно в речи респондентов проявлялись особенности бегло обрисованных нами типов обменных рациональностей.

Разговор с генеральным директором З. – уверенным в себе управленцем жесткого технократического склада ума с сильным перспективным мышлением. Реперными точками биографии выступают образование (имеет три диплома о высшем образовании) и этапы карьерной траектории в бизнесе и на различных производствах. Показательно

отношение к 1990-м годам, когда на Урале шел жесточайший передел собственности, сопровождавшийся нищетой, насилием и беззаконием:

И: А как вообще оцениваете 90-е годы? Потому что разные совершенно мнения есть на этот счет.

Р: Опять же внутреннее восприятие?

И: Конечно.

Р: Для меня это были интересные годы – студенческие годы, свободы всякие со всеми этим, как сказать, качелями, на уровне очевидно – невероятно, и т.д. Логично – нелогично как бы.

[...]

И: Бандитизм.

Ответ: Ну да, очень такой жуткий, явный, открытый процесс передела, стрельбы, кланов для Златоуста тех времен... Но как раз на контрасте того, что много друзей уехало моих. Т.е. тенденция определенная была, что если у тебя как бы с головой все нормально и ты смотришь не под ногами куда-то там, а куда-то вперед, на перспективу, то с перспективами Златоуст связывать достаточно сложно.

На протяжении всего разговора раз за разом поднимается тема рационального принятия решений. В том случае, если какие-то из принятых в прошлом решений сочтены ошибочными, дается взвешенная критика. З. много и подробно рассказывает о том, какие именно вложения в себя, в приращение собственного человеческого капитала он делал – здесь и образование, и получение опыта при работе на различных должностях, изучение и критика чужого опыта в области бизнеса.

Одним из показательных моментов беседы является рассказ о том, что ослабление социальных связей (даже таких крепких, как связи семейные) дается З. довольно легко – не вызывает больших проблем и переживаний длительное пребывание вдали от родных и друзей (сначала в связи с учебой в другом городе, потом из-за службы в армии, затем из-за частых смен места работы). Для З. гораздо важнее наличие обширного и свободного пространства для принятия решений, нежели тесные постоянные контакты с ограниченным кругом людей.

Самым, пожалуй, ярким впечатлением от разговора осталось выраженное З. отношение к собственному сыну – та же логика приоритета приращения человеческого капитала здесь видна на контрасте с иной перспективой, которую олицетворяет племянница З., живущая в соседнем городе:

По племяннице я вижу, несмотря на то, что с головой все нормально, но атмосфера в школе другая. Она нацелена не на обучение, а на выживание нацелена – прожить надо, что-то выжить. [...] Разница эта заметна. Я такое думаю: пусть лучше там он будет поменьше, а вот здесь как-то побольше. Т.е. он там общается, на выходные к бабушке, тыры-пыры растопыры. Но я не хочу, чтобы он в той среде [...] Здесь ему понятнее, он с удовольствием идет на карате, где-то ленится – не ленится, плавание, получает от этого кайф. Ну, в школе вроде как учится, понимаете? Нет такого не потребительского отношения, не инфантильного такого, понимаете? При всех сложностях, детей приходится заставлять учиться, дома уроки делать и т.д. Здесь это проще как минимум. Еще раз подчеркиваю, потому что основная масса людей заинтересована как-то культивировать свое развитие.

Среда, в которой люди заинтересованы главным образом в том, чтобы «культивировать свое развитие», оценивается З. как наиболее подходящая для взросления его ребенка. Трудно представить суждение, которое характеризовало бы человека отчетливее.

Важным и показательным отрывком из этого интервью является рассуждение З. о том, какие процессы происходят в среде сокращенных на заводе рабочих (в связи с оптимизацией производства):

Р: Средства достижения цели далеко не всем категориям могут нравиться. Т.е. процессы оптимизации в «Магnezите» могут давать экономический эффект для «Магnezита», но понимаем, что есть некая категория (или образуется некая категория), которая вряд ли будет довольна.

И: Пострадает?

Р: Ну как пострадает... Тут знаете какая ситуация. Я ведь тоже общаюсь с сотнями людей на непосредственном контакте, обсуждая проблему. Для большинства – не для всех, для большинства – эти оптимизационные процессы <...> это импульс для того, чтобы принять решение. Мы ведь от трех до пяти зарботных плат при расставании выплачиваем. Представляете? Для работников, не для руководства. Компания дает возможность нормально существовать какое-то время людям. Для многих — это возможность выбора своего следующего жизненного вектора. Т.е. ты четыре месяца не работаешь, а четыре месяца решаешь свои жизненные вопросы, компания тебе четыре месяца закрыла. Кто-то идет на это [расставание с компанией] сознательно – кредитов нахапал, и ему важно сейчас эти деньги хапнуть, а дальше трава не расти. Если говорить субъективно, в 50% случаев, люди, которые попадают в это якобы навязанное сверху [увольнение], они сами

принимают решение, что им здесь и сейчас выгоднее взять эти деньги и поменять свою жизненную ситуацию.

З. рассуждает в жесткой рыночной логике эффективности / неэффективности, исходя из представления о том, что человеческая жизнь – это череда решений, принимать которые можно с той или иной степенью рациональности, однако выбор и пространство для маневра есть всегда, даже если перед этим ты «кредитов нахапал».

Роль «Магнезита» здесь – почти педагогическая, патриархальная: суровая забота со стороны предприятия (имеется в виду увольнение) – это «импульс для того, чтобы принять решение».

Убежденность в том, что любой человек (здесь, очевидно, скрывается своеобразная folk theory относительно свободы воли) в состоянии сменить свой «жизненный вектор» также чрезвычайно любопытна. Вопрос, конечно, не в том, действительно ли это так и, конечно, не в том, «как оно все обстоит на самом деле» и прав ли в своих рассуждениях З., а в том, в какой логике действует и размышляет управленец высшего звена большого международного предприятия.

Непоколебимая уверенность в том, что свою «жизненную ситуацию» можно поменять, имея достаточно денег – важная черта размышлений такого рода.

Обменная рациональность тип В

Большой фрагмент, приводимый нами ниже, – выдержка из записи разговора с видным саткинским предпринимателем К-ым, самым популярным человеком в городе (большая часть наших собеседников на регулярно задававшийся вопрос о том, кого в Сатке можно назвать уважаемым человеком, отметили среди первых К-ва; иногда кроме него информантам вообще никто не приходил на ум).

К-в – успешный человек, получивший свои первые большие деньги в 1990-е годы (на этот счет в городе ходят недобрые слухи), а сейчас зарабатывающий на сети автозаправок, сети продуктовых магазинов, но, главным образом, на государственных военных заказах по пошиву обмундирования для армии. Популярная, знаковая и крайне неоднозначная персона города Сатки. Любая выходка, даже самая пошлая и грубая, сходит К-ву с рук.

Важная деталь заключается в том, что руководство «Магнезита» (и управленцы типа З., и начальство З.) и К-в олицетворяют собой два противостоящих друг другу лагеря, борющиеся как за символическую (наращивание символического капитала), так и вполне реальную власть в городе. На символическом уровне уверенно побеждает К-в, на реальном – группа лиц, ассоциированная с «Магнезитом».

Первое обстоятельство хорошо иллюстрируется следующим наблюдением: рабочие завода «Магнезит» не перестают жаловаться на то, что еда в их столовой слишком дорогая (обед не из одного, а из нескольких блюд, стоит в районе 60 рублей); в то же самое время, вход на территорию парка отдыха, где горожане регулярно проводят время в выходные дни, стоит 400-500 рублей с человека, и при этом жалобы на такую цену встречаются довольно редко, а если такое и бывает, то разворачиваются они всякий раз по схеме «дороговато, конечно, но...» – и дальше следует череда аргументов насчет того, что, в общем, жаловаться-то и не на что по большому счету, все нормально, так и надо. Парк отдыха принадлежит, конечно, К-ву.

Следующий отрывок крайне показателен для понимания того, как К-в выстраивает свои отношения с городом, наращивая свой собственный символический капитал через инвестиции в капитал социальный. По сути дела, это размышление о власти (на территории городского парка отдыха, оформленного до абсурдности безвкусно и патологически пошло находятся, вреди прочего, статую Сталина и бюст Ленина, выкрашенные золотой краской). Мы намеренно приводим отрывок практически без купюр:

А Сталин – собиратель земель русских! <...> Страну довел от сохи до ракеты. И мы все до сих пор за счет этого живем <...> ... а по-другому и нельзя тогда было! Сейчас-то оказывается, что он прав был, Сталин-то, Иосиф Виссарионыч. Какая разница – друзей, не друзей. Взять их всех – Чингисхана, Гитлера, все они... Тебе нравится Ленин – принеси цветочки Ленину. Тебе нравится Сталин – принеси Сталину. Нравится Гитлер – Гитлеру.

Последняя сентенция – про «принеси цветочки» – очень важна для понимания того, как работает популизм. На самом деле это не заигрывания К-ва с гипотетическими поклонниками Гитлера и Чингисхана, а риторический ход, призванный лишней очеловечить и легитимировать образ Сталина, любовь и уважение к которому со стороны людей можно затем эксплуатировать в своих целях. Цветочки, в итоге, принесут самому К-ву, и он это прекрасно понимает.

А зачем... историю не переделаешь. И хоть чё ты говори, а у русского народа Сталин остался <...> А Горбачев-то этот, жополиз х**в, го**он штопаный, они вместе с ним больше бед наделали, всю страну развалили, всю эту ху**ю, сколько народа погибло из-за них. Кто лучше – Сталин или Гитлер? Конечно, Сталин лучше. Сталин собирал земли.

Надо заметить, что Гитлер тоже, в общем, земли не разбазаривал, но речь К-ва, конечно, не имеет никакого отношения к исторической правде. К-в – ловкий манипулятор, для которого важны апелляции к «народу», его бедам («сколько народа погибло») и его врагам («А Горбачев-то этот...»).

Были у него и ошибки свои, были, конечно. Списки-то расстрельные кто ему давал? Молотов, Булганин, Хрущев – все же они расстрельные списки давали. А чё тогда говорить на одного него? Вот такая жизнь тогда такая была. Ты вот лес рубишь, сосну рубишь – три березы упало. Лес рубишь – щепки летят. Никуда на**й от этого не денешься. Сейчас вон сколько наркоманов стало? Что, лучше стало?

Еще несколько очень простых, но, как ни странно, работающих риторических приемов в духе «Война – это мир». Сталин – жертва обстоятельств, да и вообще сейчас не лучше.

Сколько с водкой алкоголиков стало? Лучше? Да у нас вон в год от автомобильных катастроф погибает 50 тысяч человек. А потом говорят: «Вон, у нас при Сталине на войне 10 тысяч солдат погибло!». Вон, на Украине 600 человек погибло, вой х*й знает за сколько идет – так никто ни**я не идет туда. Кто такие, б**ть, эти ополченцы?! <...> Умные люди – договариваются! Кто, б**ть, виноват, если этот, б**ть, ё**ный...э-э-э, Путин. Двадцать лет у власти Путин. Так веди правильную политику! Надо же ведь договариваться, решать. Этим газ – по тысяче долларов, а в Европу – по триста рублей. Так же ведь тоже нельзя. Надо же грамотно со своими делать-то. Веди грамотную политику, и все!

Крайне важное рассуждение К-ва, являющееся развернутым определением к тому, что мы неловко и косноязычно обозначили как «обменная рациональность тип В». Эффективность принимаемых решений («грамотно делать») достигается за счет того, что «умные люди договариваются». Отчетливо видна ставка на инвестиции в социальный капитал в сфере политики и бизнеса. «Грамотное решение» не может быть абстрактной обезличенной схемой действий или алгоритмом, работающими безотносительно конкретных исполнителей.

[...]

Ведь посмотрите, финская война, б**ть, японская война, какую промышленность создал, ДнепрогЭС, все создал, б**ть, все сделал, б**ть. <...> Понимаешь, какая х**ня, б**ть? Поэтому я Сталина очень люблю, Сталин – это нормальный мужик, нормальный император. Есть такие руководители, которые были жесткие: Чингисхан, Тамерлан, Александр Македонский, которые жесткие были. Екатерина II, Петр I, б**ть н**уй. А вот эти все пьяницы и алкаши...

Очень характерное суждение, демонстрирующее разницу в понимании того, что такое «жесткий руководитель». По-настоящему жесткий руководитель З., отрывки из интервью с которым мы приводили в предыдущем разделе, олицетворяет собой тот тип рыночного управленца, стиль ведения дел которого не готовы принять в Сатке.

Напротив, «Сталин – нормальный мужик» – это образ такого «руководителя», который сознательно и безошибочно эксплуатируется К-вым, тонко чувствующим разницу.

Тот тип обменной рациональности, который мы находим в речи и образе предпринимателя К-ва является, также, безусловно, рыночным. Мы видим и стремление получать прибыль, и экспансивно развивать свое влияние, и расширять собственную зону свободы манипуляций. Разница между З. и К-ым (а также разница между теми центрами влияния в Сатке, которые они, как нам кажется, представляют) заключается в характере и направленности этих обменов.

Первый ориентирован на сферу обменов, соотносимую с развитием человеческого капитала, – и поэтому одерживает верх в области аппаратно-политических игр; второй – на сферу капитала социального, что приводит к первенству в публичной, открытой сфере, где аккумулируется существенный объем символического капитала.

Между этими двумя полюсами влияния царят отношения разобщенности и соперничества. Так, например, З. в разговоре с автором этих строк, совершенно незнакомым ему человеком, поведал следующее:

И: Вы не с большим уважением произнесли фамилию Китова...

Р: Ну, для меня это же история с двух сторон [...] Нет, ну, мы с Сергеем Ивановичем общаемся, просто я же знаю немножко и подковерные вещи такие, поэтому я как бы поостерегся сказать уважаемый [...] Дело в том, что швейная фабрика в Златоусте перестала существовать в связи с убийством ее директора и основного собственника в тот

момент. Убийство осталось не раскрытым. И как раз те военные заказы, которая делала швейная фабрика для Министерства обороны... Дальше можно не продолжать.

Обменная рациональность тип С

Следующие ниже отрывки – выдержки из четырех проведенных в Сатке фокус-групп, участниками которых были представители рабочих специальностей старших возрастных групп. В фокус-группу 1 вошли работники, оформившие пенсию, но продолжающие работать; в фокус-группу 2 – работники предпенсионного возраста, не оформившие пенсию; в фокус-группу 3 – неработающие пенсионеры; в фокус-группу 4 – не работающие и не оформившие пенсию люди.

Как нам представляется, эти отрывки важны для понимания того, что из себя представляет единство существования в рамках сплоченного индустриального коллектива, а также то, какое влияние эта среда оказывает на представления об этически допустимом и справедливом применительно к вопросам обменов и распределений в границах сферы моральной экономики.

ФГ(1)И: Должен ли работодатель учитывать, что человек уже в возрасте и поэтому к нему должно быть особое отношение?

ФГ(1)Ж1: Есть обязанности должностные, есть обязанности на этой должности. Почему я в возрасте должна объем делать меньший, чем молодой?

ФГ(1)Ж2: Если я работаю, я должна выполнять эту работу.

Томпсон указывает¹⁷, что рамках сообществ распределение социальных ролей подчиняется общей логике справедливого распределения, что предполагает приблизительно одинаковые возможности в области социальных взаимодействий для каждого из членов такого рода сообществ. Вопрос об «особом статусе» – один из наиболее болезненных, т.к. наличие таких статусов – уступка обстоятельствам непреодолимой силы.

¹⁷ См.: Thompson, E. P., and Filippo Osella. 1991. *The Moral Economy of the English Crowd in the Eighteenth Century*.

Индустриальные коллективы, сгруппированные вокруг локального производства и не обладающие перспективой развития и пулом возможностей за его пределами, порождают разного рода структурно необходимые социальные позиции, однако логика остается прежней – особое отношение к членам такого коллектива возможно только в том случае, если в силу объективных причин без этого нельзя обойтись. Такое возможно, например, в связи с необходимостью взаимодействия с властью.

Отсюда – использование существующей сетки должностных позиций и соотношенных с ними обязанностей для легитимации отказа от льгот и привилегий, обладание которыми вполне приемлемо с точки зрения логики рыночного типа, в рамках которой тело индивида является наиболее значимым его активом. Собственность на тело выступает предпосылкой свободы экономического праксиса.

Моральная же экономика не предполагает этого типа собственности в период активной трудовой деятельности, сохраняя лишь возможность апелляции к представлению о справедливости, заключающемуся в данном случае в том, что тело всякого члена индустриального коллектива должно «убывать» в строгой зависимости от конкретной должностной позиции. Отдельные особенности возраста и пола на такое положение дел не влияют, равно как и состояние здоровья: «Если я работаю, я должен выполнять работу».

ФГ(2)И: А как вы считаете, когда вы достигнете пенсионного возраста, должен ли вообще по справедливости работодатель предлагать вам какие-то льготные условия работы?

ФГ(2)ВСЕ: Нет. Да нет, зачем?

ФГ(2)Ж (раздраженно): Да чего вы какую-то фантастику говорите?!

ФГ(2)Ж1: Хотя бы эти условия оставили, чтобы спокойно доработать.

<...>

ФГ(2)И: А что-то более существенное? Ну, допустим, при сохранении зарплаты сокращение рабочего времени?

ФГ(2)ВСЕ: Нет, такого нету.

ФГ(2)И: А должно это быть?

ФГ(2)Ж: Нет, работай как все. Не можешь – не делай.

ФГ(2)М: Раз остался – значит, здоровье тебе позволяет, работай.

В этом отрывке характерные черты отношения к особому положению отдельных членов индустриального коллектива без очевидной (очевидной – с точки зрения сообщества рабочих) на то необходимости сохраняются в той же мере, что и в предыдущем.

Здесь, тем не менее, значительно усилен тон раздражения и неприятия (восклицание «Да чего вы какую-то фантастику говорите?!»). «Фантастика» – не просто характеристика, маркирующая небывальщину сказанного, но и то лексическое средство, которое позволяет высветить наивность – с точки зрения члена сообщества – самого вопроса (аналогично «Не рассказывайте нам сказок»). Льготы по возрасту – тема, которая, в итоге, не стоит того, чтобы о ней говорить: глупость, причуда, вздор.

Это представление закрепляется в максиме «работай как все», которая, по сути, является парной по отношению к другому высказыванию: «не можешь – не делай». Пространство возможного, таким образом, оказывается ограниченным упоминавшимися «должностными обязанностями», выход за пределы которых воспринимается не просто как нарушение технического регламента, но как попрание базовых основ производственной этики индустриального коллектива.

В этом отрывке мы снова сталкиваемся с характерными особенностями биополитики сообщества. Отношение к собственному здоровью (состоянию тела) конструируется через привязку к способности выполнять те или иные «обязанности». Тело считается нормально функционирующим до тех пор, пока работа может делаться на должном уровне.

ФГ(3)И: Как вы считаете, должны ли сотрудники предпенсионного возраста или работающие пенсионеры иметь какие-то льготные условия труда по сравнению с остальными? Может быть, более свободный график или более удобный график?

ФГ(3)ВСЕ: Нет, это не нужно.

ФГ(3)Ж1: Нет, это нельзя. Дело в том, что молодежь пенсионеров и [людей] предпенсионного возраста и так не любит. Человек работает, получает деньги и получает пенсию. У него доход. А тот человек – молодой человек – который тоже подготовлен вроде бы, и они получают одну зарплату, а пенсионер еще и пенсию <...> Нельзя другие условия создавать для пенсионеров, нельзя.

ФГ(3)Ж2: Это расхолаживает. В отделе будет раздор.

<...>

ФГ(3)И: А часто ли бывает так, что человек, приближаясь к пенсионному возрасту, переходит из своего отдела в другой, где полегче?

ФГ(3)ВСЕ: Нет, нет.

ФГ(3)Ж1: С рабочих мест – тем более. Если еще в руководящем звене может быть кого-то и переставляют, то среди рабочих это вообще не практикуется.

ФГ(3)Ж3: Каждый хочет уйти [именно] с того места, где проработал [всю жизнь].

Утверждение респондента о том, что «молодежь стариков и так не любит» не стоит, конечно, с полной уверенностью принимать за чистую монету. Несмотря на то, что доля правды в этом высказывании, вероятно, есть, нам оно важно не в плане установления того, насколько действительно молодые хорошо или плохо относятся к старшим людям, а в целях фиксации общего модуса рефлексии респондента относительно собственной позиции в индустриальном коллективе.

Соображения об особенностях физического состояния здесь снова выступают в качестве центральных, однако образ производственной этики на этот раз дан наблюдателю в уточненном виде. Повсеместно декларируемое уважительное отношение к старшим в условиях работы на производстве обременено скрытым этическим конфликтом. С одной стороны, сотрудники старших возрастных групп вынуждены трудиться наравне и в одних и тех же условиях, что и молодые рабочие, как это и предписывает этика индустриального коллектива. Однако помимо этой этики существует и другая – общая бытовая этика, не соотнесенная напрямую ни с какой конкретной областью производства, в рамках которой к старикам и пожилым следует относиться как к группе опекаемой.

Очень характерной и показательной является способ легитимации отказа от особых условий труда: «Это расхолаживает. В отделе будет раздор». Благо коллективного субъекта ценится выше, нежели благо отдельной личности.

ФГ(4)И: А как вы считаете, стоит ли сотрудникам старшего возраста предоставлять возможность иметь более удобный для них график работы? Какие-то льготные условия труда?

<...>

ФГ(4)Ж1: Работу-то все равно нужно выполнять как бы. Я считаю, не надо этого делать, работаешь как-то и работаешь. Какая там может быть тебе льгота?.. Дорабатываешь свое время.

ФГ(4)Ж2: Если ты пошел на эту работу, на эту должность, значит ты был согласен с этими условиями.

ФГ(4)Ж3: Ты уйдешь, а кто-то эту работу должен выполнять. Если мне не нравится, я просто не пойду на эту работу.

ФГ(4)М1: Молодежь-то что на это скажет?... Скажет, что мы одинаково с тобой работаем, а для тебя особые условия создаются. Никто такого не будет никогда делать. Никто на это не пойдет.

Эти четыре отрывка, представляющие собой реакцию участников фокус-групп на вопрос о допустимости предоставления отдельным работникам особого статуса, кажутся нам очень важными, т.к. с их помощью нам удастся понять, почему и каким образом в рамках логики моральных обменов, фундированной концептом справедливости, стирается грань между представлениями о человеческом и социальном капитале.

Особый статус представителя рабочего коллектива – не та вещь, которой можно добиться волонтаристским путем, просто «решив так сделать»; во всяком случае, это невозможно без выхода за границы такого коллектива. Напротив, логика рыночных обменов конституирована представлением об «особости», т.к. без него невозможно представить себе механику свободной конкурентной борьбы, являющейся основным движущим механизмом рынка.

Человек в рамках моральной экономики предстает перед нами как элемент коллективного тела, несущий ответственность за тело индивидуальное постольку, поскольку это влияет на жизнь коллектива. То же самое справедливо и в отношении собственности на тело – она имеет границы.

Телесность и биополитика, постоянно упоминаемые нами в этих отрывках – не случайный сюжет. Нам представляется, что работа именно в этих смысловых областях является ключом к пониманию нерыночных обменных практик.

* * *

Возвращаясь к разговору о социальной ситуации в Сатке, а также к описанию механизмов подспудных социальных конфликтов, мы можем теперь не совсем голословно утверждать, что их появление и незатухающий характер обязаны тому факту, что управленцы и управляемые движимы различными типами обменных рациональностей.

Модернизация и оптимизация производства, проводимая руководством завода «Магнезит», имеет в своей подоплеке ту логику, которая совершенно отлична от логики моральных обменов, носителями которой являются, судя по всему, очень многие жители города и работники самого предприятия.

Говоря об особенностях движения символического капитала в Сатке, мы также должны держать в уме это соображение – популярными и социально одобряемыми будут являться те действия, тот язык и те инициативы, которые соответствуют определенному типу рациональности. Именно поэтому экспозиция картин из Русского музея вызывает глухое раздражение и отторжение, скрывающееся за видимой мишурой одобрения, а

постройка развлекательного комплекса «Дупло орла» – приятие и благодушное расположение.

В этой части нашего текста мы обрисовали, казалось бы, неразрешимое противоречие между необходимостью развития градообразующего предприятия в условиях динамично меняющейся рыночной конъюнктуры и необходимостью сдерживать это развитие из опасений перед возможностью социальной катастрофы.

Далее мы сформулировали мысль о том, что этот конфликт имеет не только чисто экономическую природу, но лежит и на более глубоком уровне – уровне, на котором разыгрывается противостояние рациональностей разного типа, сталкивающее между собой целые группы людей, являющихся их носителями.

Не беремся судить о том, как может быть разрешен клубок экономических проблем Сатки; более того, не беремся мы утверждать и о наличии прямой связи между двумя уровнями описанных конфликтов.

Тем не менее, если вести речь исключительно о конфликте рациональностей, то нам представляется, что если не его разрешение, то средства для его смягчения и сглаживания могут быть обнаружены в сфере дискурсивных манипуляций.

На сегодняшний день в Сатке практически отсутствуют каналы распространения информации, встречаемые широкой публикой с интересом и сочувствием. Нам кажется, что та из влиятельных групп (или же какой-то новый игрок), который сумеет создать и, далее, сохранить контроль над таким информационным источником, одержит не просто верх в борьбе за символический капитал города, но и сможет совершать манипуляции в области конфликтующих рациональностей.

Принципы позитивного мировоззрения

Преобразования, учитывающие интересы старших возрастных групп, сделать не легко. Куда сподручнее провозгласить окружающий мир устаревшим и начать строить с нуля. Беда только в том, что шансы на успех таких инноваций не велики. Поддержка старших, хранителей традиций, культурных норм Сатки необходима. Обходить вниманием их интересы губительно для любого культурного преобразования. Обратимся вновь к разговорам, задержим внимание на деталях, акцентах, расставляемых пожилыми. Через это можно выделить шесть базовых принципов совместного приумножения символического капитала Сатки, в котором нет возрастного ограничения и учтены базовые мировоззренческие представления заводской среды. Попробуем представить развитие постзаводского культурного пространства не вопреки складывающейся

негативной ситуации, а для людей, проживающих здесь-и-сейчас, со своими горестями и устремлениями, заботами и мечтами. Отталкиваясь не от проблем, а от возможностей, будем рассматривать происходящее как необходимую для преобразований среду. Поэтому каждый выявленный паттерн, представление, убежденность, позиция принимается и рассматривается с точки зрения вклада в новое дело, а не избыточного, нежелаемого продукта индустриальной эпохи. Попробуем представить (рис. 3).

Рис. 3. Принципы позитивного мировоззрения

Во-первых, жители Сатки имеют долгую историю, в которой личные судьбы переходят в семейные. Освоение новых залежей, разработка гигантских карьеров, миллионные добычи — всё это наполняло гордостью, давало возможность почувствовать себя частью большого грандиозного замысла, выходящего за рамки маленького города, района или даже области. Сатка для старшего поколения — это место общенациональное, востребованное большой страной, необходимое для её развития. Культурные инновации, запуск и развитие новых направлений, бизнесов, социальных активностей не должно восприниматься как раздробление проекта, измельчение задача. Грандиозность, масштабность, всероссийскость могут достигаться не только в рамках одной большой стройки. Дефрагментированность путей с сохранением единой, сквозной идеи процветания города, устойчивого развития района, приращение богатства области и страны. Традиционализм в инновациях, масштабность частных проектов — первый принцип позитивного мировоззрения.

Во-вторых, перед нами заводской город, в котором главенствует ценность труда. Производственная культура задаёт смысл индивидуальных жизней. Даже расставшиеся с комбинатом рабочие, перешедшие в торговлю, сферу обслуживания, сохраняют заводскую идентичность, живут прошлым. Культивирование производственной культуры возможно не только на производстве. Творческое осмысление относительно новых видов занятости (туризм, образование, здоровье, визуальные и аудиальные искусства, галерейное и музейное дело, производство мультимедиа продукции, компьютерных технологий и программ, исследовательские и аналитические индустрии) необходимо проводить через доминанту трудовых отношений. В европейском сознании сложилась привычка к разделению на мир производства и потребления (макдонализация). Последнему приписывается статус современного, постиндустриального способа мышления и действия. Различение, продуктивное для одной культурной среды, будет разрушительным для другой. Опасно убеждать труженика, работягу, отдавшего жизнь на карьере или шахте в том, что главное в жизни погоня за новыми товарами, впечатлениями, личными переживаниями. В основе идеологических конструкций, по-прежнему, должен лежать труд. Его постиндустриальная культура возможна через преодоление валового, гигантского, экстенсивного представления о производительном труде на диверсификацию, поиск локальных практик, творческое и сотворческое участие в производстве новой продукции. Другими словами, в совместные городские и районные проекты людей следует включать через труд, а не зрелища.

В-третьих, с одной стороны, саткинцы привязаны к своему городу, своему краю. Переезд для них немислим. Это связано не только с хлопотами и невозможностью найти подобающее место в другом, незнакомом городе, но укорененностью в социальной среде, включенностью в родственные и дружеские обмены, создающие смысл совместного проживания, наращивающие символический капитал места. С другой стороны, жители Сатки не видят будущего в городе, не видят своих детей, продолжающих их дело, достраивающих общий дом. Отъезд детей в другие места естественен и необходим. Но нельзя допустить разрушение эмоциональной привязанности к месту, деформацию чувства родного и близкого в отношении саткинских земель. Новые культурные индустрии работают, прежде всего, на поддержку и развитие локального патриотизма через выделение кластеров концентрации культурных смыслов, оценку и поддержание их воздействия на социальный климат и субъективное благополучие жителей.

В-четвёртых, семейственность трудовой жизни может восприниматься по-разному. Одни будут говорить о династиях и развитии преемственности труда, другие — о кумовстве и блате. Преодоление вторых коннотаций возможно через актуализацию

историй семей, переплетению индивидуальных судеб, трагедий и взлётов в личной жизни, для которой труд и карьера — естественные, сопутствующие элементы благосостояния как своей семьи, так и окружающих: соседей, коллег по работе, друзей и родственников. Публичный дискурс и общественное смыслообразование должно опираться не на штампованное, казённое письмо, а на раскрытие индивидуальных историй со своим героизмом, трагичностью, преодолением себя, в которых династии, преемственность труда играют ключевую роль.

В-пятых, одна из причин упаднического, пессимистического восприятия реальности — доминирование негативных слухов. Люди, давно ушедшие на пенсию, продолжают рассказывать о жизни комбината, интересоваться событиями, интригами, казусами, происходящими на производстве, так или иначе связанные с ним. Из-за тесных межличностных отношений, в Сатке сложились мощные каналы слухов, на порядок превышающие по скорости распространения информации какие-либо медийные средства: местные газеты, интернет-сайты. Следует серьёзно отнестись к сложившейся ситуации бесконтрольного распространения слухов и поставить задачу управление ими. Формирование долгосрочной программы поддержания публичного дискурса в границах позитивного восприятия места (см. рис. 2) — ключевая задача для специалистов в области общественного мнения.

В-шестых, в тесных семейных и дружеских сообществах рыночные отношения подвергаются значительным трансформациям. На первое место выходят принципы справедливости, поддержки и дарения, а не эффективности и экономического расчёта. В такой среде чрезвычайно развито восприятие неравенства, культивируется пристальное внимание к достатку и достижениям других, особенно, если изначально они занимали примерно равные позиции в социальной иерархии. Следует уделять особое внимание культивированию чувства справедливого вознаграждения за труд, не ограничиваться формальными мероприятиями, а использовать все доступные коммуникативные каналы, чтобы правильно представить то или иное перемещение на службе, то или иное повышение заработной платы. В рыночной экономике большинство денежных транзакций считаются закрытыми, например, заработная плата входит в список конфиденциальной информации. Но в обществах семейного типа эти условия разрушаются. Там, где главенствует моральная экономика, нельзя слепо опираться на нормы рынка и доказывать людям их неправоту, ложность внерыночных убеждений. Напротив, необходимо отслеживать всплески интереса к тем или иным событиям на производстве и контролировать публичное восприятие всех финансовых транзакций.

Как быть и что делать?

Список конкретных действий — слишком локальный, привязанный к конкретным исполнителям результат, неустойчивый и быстро изменяющийся, подстраивающийся под конъюнктуру текущих представлений, задач. Потому в публикациях, как правило, ограничиваются общими принципами и задачами. Но позвольте сделать следующий шаг и наметить основные шаги, без которых всё предыдущее повествование становится беллетристикой, занятым описанием любопытного места. Если мы собираемся всерьез говорить об изменениях, нельзя останавливаться на полпути, определять рамки разговора лишь общими мировоззренческими рамками. Зададимся привычным русским вопросом «что делать?», но отойдём от его риторической формы, наметим последовательность важных, опирающихся на проведенные наблюдения шагов.

Постзаводское развитие города напрямую связано с наращиванием символического капитала места, значимости и весомости территории для проживающей на ней, приезжающих погостить, останавливающихся по какой-либо okazji. Если индустриальный взгляд эксплуатирует местные ресурсы, постиндустриальный сохраняет и приумножает. Разговоры об устойчивом развитии — не отзвук очередных программ, утопающих в нереализованных бюджетах и межотраслевых согласованиях. Устойчивость территории — ключ к новому смыслообразованию, мировоззренческой позиции, формирующей постзаводскую культуру. Короткие «как быть» и «что делать» наращиваются дополнительными смыслами: «как быть в современной социальной среде?» и «что делать для приращения символического капитала места и устойчивого развития территории?» (рис. 4).

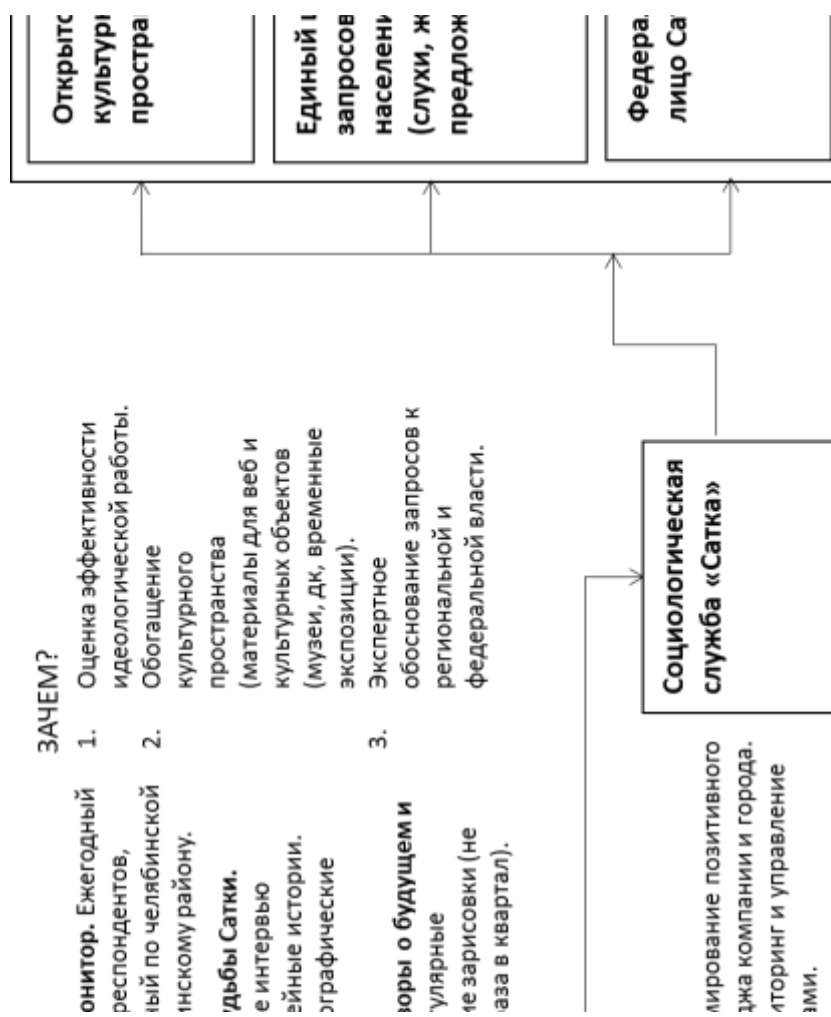

Рис. 4 Дорожная карта воспроизводства символического капитала

Целеполагание такой постановки базовых вопросов заключается в легитимации и развитии позитивного имиджа места (города и района), а также компаний, находящихся на их территории. Добыча и переработка магнетита остаётся ядром идентичности саткинцев, однако для укрепления, утяжеления атомарной массы чрезвычайно необходимы более быстрые, мобильные частицы, вращающиеся по орбите ядра — культурные индустрии. Сейчас любой разговор о культурных инновациях вызывает скепсис и скрытое сопротивление саткинцев. Первейшая задача — управление сопротивлением, не преодоление, а применение потенциала заложенного в неверии, какой-то степени агрессии ко всему выходящему за рамки заводской, производительной культуры.

Задача амбициозная и для её решения требуется сверхпрофессиональный персонал, обладающий максимально возможными полномочиями. Большинство социальных проектов захлёбываются в согласованиях, сверке курса, в огромном документарном потоке, оформляющем деятельность. Решения по культурной политики должны приниматься быстро, иметь локальную привязку к текущим событиям города, затрагивать интересы как можно более широких слоёв населения, своевременно оцениваться по

результативности и полученному эффекту. Поэтому первый шаг — организация комплексного социального мониторинга, основные задачи которого: во-первых, сбор информации о мнениях, установках и действиях населения; во-вторых, оценка эффективности текущих действий, в-третьих, выявление и включение наиболее ярких, обладающих максимальным для территории человеческим, культурным и социальным капиталом людей в команду единомышленников, а не борцов, участников сопротивления.

На втором шаге, в рамках развития креативных индустрий, разумно организовать аналитическую службу, агрегирующую социальную информацию и выступающую связующим, коммуникативным звеном между различными социальными группами. С одной стороны, она должна быть включена во все локальные процессы, выполнять задачи города и района, с другой — позиционироваться в глобальной, общероссийской перспективе. Аналитическая, социологическая служба прежде всего должна обладать высоким, выходящим за рамки провинциализма статусом, поэтому так важны в её деятельности общероссийские проекты.

На третьем — реализуются базовые задачи культурного развития. Во-первых, построение культурного пространства. Организация мероприятий, как удобных и понятных местному населению, так и включённых в контекст общероссийских инициатив. Сатка может быть модельным регионом для всей России. Для этого есть и потенциал, и желание, и технические, экономические возможности. Во-вторых, в лице службы запускается единый центр обработки запросов населения и согласование разнородных мнений, увязывание их с направленной стратегией развития территории. В-третьих, чрезвычайно важно формировать федеральное лицо Сатки. В небольшом уральском городке я вижу не только модель для подражания, сильный и ответственный партнёр, лицо современной культурной индустрии, но законодатель моды, основных культурных тенденций и ценностей.

РАЗДЕЛ II

Теоретические предпосылки проблематизации методики исследования

Специфика этнографической работы такова, что обойтись без обстоятельного описания инструментария, примененного в поле, невозможно. Тем не менее, сам по себе этот шаг – пусть и необходимый – не является ни первым, ни достаточным для того, чтобы в полной мере обоснованно рассуждать о том, что же именно скрывается в подоплеке того или иного эмпирического проекта.

Говоря о том, что существует это «скрытое нечто», мы не грешим против истины и не идем на поводу у броского эпитета – мы лишь подчеркиваем тем самым сложность взаимодействий исследователя (или команды исследователей) с той социальной реальностью, которая конституирована соотношением и наложением друг на друга самых разнообразных сил, влияний, интересов, стремлений и обстоятельств, констелляция которых всякий раз требует отдельного и подробного разбора.

Не держа в уме это соображение и не проведя, следовательно, такой работы, не имеет смысла утверждать нечто и о конкретных методических практиках и процедурах, так как будут упущены из вида те особенности их содержания, тот смысл и те нюансы их применения, которые имеют критическое значение при создании этнографического нарратива.

Конечно, конвенциональная точка зрения на этот вопрос выглядит несколько иначе; она состоит в том, что каждый полевой проект должен быть определенным образом подготовлен – необходимы четко установленные сроки его проведения, заранее обозначенный набор исследовательских вопросов, под которые, соответственно, выбирается подходящий инструментарий и т.д. Все сказанное, безусловно, соответствует действительности, однако практика неизбежно корректирует эти и подобные им соображения и шаги.

Дать определение тому, что именно произошло в поле, как выглядела в итоге работа этнографа и что именно из тех вопросов, которые были сформулированы заранее, осталось в повестке, а что из нее выпало, потерявши всякий смысл, – задача ретроспективная.

Сказанное, тем не менее, не означает, что при написании итогового текста перед исследователем во всей своей сложности всякий раз встает необходимость заново конструировать теоретическую и методическую рамки, в которые можно было бы непротиворечивым образом поместить описание уже случившихся полевых практик. Такой подход вряд ли выглядит сколько-нибудь адекватным всему тому, что мы знаем об институционализированном научном знании. Скорее, речь должна вестись о постоянной корректировке сложившихся представлений, т.е. о рефлексии относительно теории и метода. Такая корректировка, в свою очередь, немислима без постоянного критического соотнесения собственных действий с определенной традицией в рамках конкретной дисциплины.

Сущность этнографической работы и этнографического письма есть предмет непрекращающихся дебатов в науке. Для того, чтобы в достаточно полной мере описать особенности «этнографии команд» или «командной этнографии» («team ethnography») – а,

по нашему убеждению, именно в рамках этого ответвления традиции постмодернистской этнографии велась работа в Сатке – мы для начала предпримем попытку реконструкции генезиса этой концепции. Для этого нам придется вкратце осветить историю постмодернистской критики этнографического метода в социальных науках конца XX века¹⁸, с той целью, чтобы показать, как теоретические тупики этой критики были преодолены в работах самого последнего времени.

Одна из основных областей социальных наук, в рамках которой произошло критическое переосмысление этнографического метода, – антропология, причем, поскольку чаще всего речь в данном контексте заходит об американских авторах, приходится говорить не столько об антропологии социальной, которая обычно ассоциируется с учеными, работающими в рамках стран Британского содружества, сколько об антропологии культурной.

Так, Элизабет Гейнс, антрополог из Университета Небраски, указывает, что «постмодернизм представляет из себя философию, подрывающую устои современных идеологий и расхожих истин путем критики антропологии. Основными целями постмодернистской критики выступают фундаментальные теории, фундирующие антропологическую практику. Принципиальной целью этого подхода является попытка подать исследовательские данные настолько непредвзято, насколько это возможно, и делается это через отрыв антропологии от традиционно доминирующего в социальных науках «всеведущего» (omniscient) модуса рассуждений и деконструкцию всех уровней конвенционального метода»¹⁹.

Заявленная «непредвзятость» постмодернистского подхода – исходное требование и, одновременно, методологическая установка абсолютного большинства авторов, работающих в рамках данного направления, вне зависимости от того, к какой именно сфере социальных наук они принадлежат. Требование такой непредвзятости органично вытекает из представления, что отношения между фактами действительности и их репрезентацией в текстах – гораздо более сложны и неоднозначны, чем это казалось ранее, в эпоху модернистского знания и позитивистской науки. Критика господствующего дискурса и дискурсивных практик науки диктуют необходимость пересмотра сущности изучаемых антропологами сообществ, а также характерологических свойств как наблюдателя, так и самого процесса наблюдения.

В частности, Джордж Маркус и Майкл Фишер пишут: «Подобная философская критика имеет надежное основание в области социологии знания, вопрошая о сущности

¹⁸ Постмодернистская критика оснований этнографического метода более подробно описана нами в: Картавцев В. В. «Эпистемологические основания проекта постмодернистской этнографии» // Эссе по курсу SC034, МВШСЭН, 2014.

¹⁹ Gaines E. R. 1995. "Postmodernism and anthropology". Nebraska Anthropologist Vol. 12: 69-73. P. 69.

отношений между содержанием верований и идей и социальными позициями их носителей и защитников. Эффектом культурной критики такого рода является демистификация: она диагностирует конкретные интересы, находящиеся как внутри, так и за культурными значениями, выраженными в дискурсе; кроме этого, она выявляет формы доминирования и власти. Таким образом, зачастую эта критика выступает в качестве критики идеологии»²⁰.

Демистификация содержания дискурса производится через применение специфических техник письма, в рамках которых основное методическое значение уделяется отказу от интерпретации этнографических данных. Этот конкретный подход, применительно к текстам антропологов, получил в литературе название «деконструкционизма»²¹. Смысл деконструкционизма в самом общем виде может быть сведен к попытке избегания работы в доминирующих научных жанрах. Так, Гейнс замечает: «Критики интерпретативной антропологии, распознающие сложность протекания субъективных процессов, воплощаемых в актах наблюдения и письма, называют себя деконструкционистами. Они ищут возможности пересмотра истории путем переопределения сущности сферы коммуникации через внимание к ее до-риторическому состоянию. Кроме этого, они анализируют устройство тех уровней автоматического языкового поведения, которые нерелексивно воспринимаются в качестве областей здравого смысла. Этнографы-деконструкционисты убеждены, что для применения постмодернистского подхода в области антропологии, автор обязан тщательно анализировать каждый аспект процесса письма, начиная от содержания собственного сознания и заканчивая тем стилем, в рамках которого ему приходится работать»²².

Несмотря на то, что уже эта методологическая позиция представляется достаточно радикальной по своим принципиальным установкам, существуют авторы, еще более заостряющие пафос критики и, в итоге, отказа от работы в рамках господствующих больших нарративов и использования «тотализирующих теорий». Одним из них является Майкл Тоссиг (Taussig), утверждающий, что тотализирующие теории имеют настолько мощный ограничительный потенциал, что применение к ним термина «фашистские» не будет большим преувеличением²³.

Однако, по мнению Тоссига, существование подобных теорий («больших нарративов») не является само по себе основной причиной невозможности

²⁰ Marcus, G. E. and Fischer, M., 1986. *Anthropology as Cultural Critique. An Experimental Moment in the Human Sciences*. Chicago. University of Chicago Press. P. 114.

²¹ Gaines E. R. 1995. "Postmodernism and anthropology". *Nebraska Anthropologist* Vol. 12: 69-73. P. 70.

²² Ibid.

²³ См.: Taussig, Michael T. 1986. *Shamanism, Colonialism, and the Wild Man: a Study in Terror and Healing*. Chicago: University of Chicago Press.

деидеологизированного высказывания о мире. Основной причиной такого положения дел является сам язык, вначале формирующий особенности нашего мышления, а затем навязывающий конкретный – чрезвычайно ограниченный – способ видения мира.

Ставшие классическими для постмодернистов ламентации относительно тотальной власти языка концентрируются в области антропологии в рамках одного из центральных для нее концептов – концепте Другого (Чужака): «Поскольку язык задает индивидуальное чувство реальности и, тем самым, ограничивает возможности мышления об этой реальности, восприятие иных представлений о реальности – характерных для Другого – становится принципиально проблематичным»²⁴.

Точкой консенсуса для представителей постмодернистской этнографии (и – шире – вероятно, для большинства постмодернистов вообще) является утверждение о том, что мы должны не только стараться проникнуть в жизненные миры Другого, вычлняя в этих жизненных мирах разнообразные наборы идеологических установок, но и, в то же время, мы не вправе закрывать глаза и на то, как идеология влияет и на особенности наших собственных интерпретаций.

Дальше, однако, начинаются известные методологические и эпистемологические трудности, связанные с тем, что, если радикальная лингвистическая критика доводится до своего логического конца, то встает иной вопрос – вопрос о том, как *вообще* возможно сказать что-либо, что будет свободно от элементов идеологии? Другими словами, на первый план выходит проблематичность конструирования такого высказывания, которое служило бы точным референтом какого-либо объекта действительности и при этом не содержало бы в себе интенции (явной или скрытой) к наделению этого объекта субъективными смыслами говорящего.

Очевидно, что обойти эту проблему далеко не просто (если вообще возможно), что, в свою очередь, неизбежно привело к новому витку критики, на сей раз уже в адрес постмодернистской позиции. Одно из направлений этой критики сводится к утверждению, что тексты этнографов-постмодернистов не заключают в себе какого-то иного содержания по сравнению с текстами предшественников, а лишь скрывают всю ту же конвенциональность высказывания о предмете за экспериментальной стилистической мишурой.

Так, Брюс Капферер указывает²⁵, что постмодернистам не удалось преодолеть традиционной для западных социальных наук субъект-объектной дихотомии. Все, что было сделано в этом отношении – символический жест изымания субъективности

²⁴ Ibid. P. 71.

²⁵ См.: Kapferer, B. 1988. "Review Article: The Anthropologist As Hero: Three Exponents of Post-Modernist Anthropology." *Critique of Anthropology* 8(2):77-104.

«включенного наблюдателя» из репрессивных рамок научности и, вместе с тем, утверждение того факта, что любое понимание идеологизировано. Получилось, таким образом, что включенное наблюдение – т.е. фундамент критикуемого постмодернистами метода – несколько не изменило своего содержания.

Казалось бы, что это тот самый момент, когда критическое высказывание приходит к своему собственному опровержению – тотальную власть языка не получается побороть средствами языка. Однако и в этой ситуации остается пространство для маневра. Так, Роберт Улин – автор, принадлежащий к критическому направлению в антропологии – указывает²⁶, что задачей новой этнографии, учитывающей все значимые постмодернистские возражения, должна быть не только попытка описания множества конкурирующих социальных смыслов, но и изучение их генеалогии, т.е. социо-исторический анализ.

Об этом же заявляют и цитировавшиеся ранее Маркус и Фишер, которые утверждают необходимость «семиотической осмотрительности»: «Семиотика, т.е. изучение современного состояния систем знаков, была и остается главным средством демистификации культурной критики»²⁷.

Настороженность, с которой авторы-постмодернисты относятся к языковой действительности, привела к поиску методических средств, которые позволили бы выйти за рамки доминирующих в науке стилей письма. Игра с разнообразными, в том числе чисто литературными, жанрами воспринимается отныне как практика «ускользания» из-под власти мета-нарративов.

Так, в частности, Стивен Линстед констатирует: «Постмодернизм...бросает вызов притязаниям науки на обладание абсолютным знанием, эксплицируя социальный характер этого знания как практического результата, достигаемого посредством соглашения внутри научного сообщества...Схожим образом бросается вызов авторитету «мета-нарративов», равно как и существованию любых других трансцендентных принципов, якобы управляющих социальной и физической реальностью, путем размытия рамок «разделения труда» между жанрами, литературой, философией, наукой или поэзией»²⁸. Другими словами, налицо движение от «герменевтики интерпретации к поэтике репрезентации»²⁹.

²⁶ Ulin, R. C. 1991. "Critical Anthropology Twenty Years Later: Modernism and Postmodernism in Anthropology." *Critique of Anthropology* 11(1):63-89.

²⁷ Marcus, G. E. and Fischer, M., 1986. *Anthropology as Cultural Critique. An Experimental Moment in the Human Sciences*. Chicago. University of Chicago Press. P. 114.

²⁸ Linstead, S. 1993. "From Postmodern Anthropology to Deconstructive Ethnography." *Human Relations* 46(1):97-120. Pp. 99-100.

²⁹ Ibid. P. 100.

Данное видоизменение исследовательских и писательских установок не осталось незамеченным и Клиффордом Гирцем: «Все больше и больше аналогий приходят из области художественного исполнения, нежели из сферы физических манипуляций»³⁰.

Согласно Дуайту Конкергуду, тем человеком, который сделал больше других для утверждения в этнографии (и социальной антропологии) перформативного стиля письма, был Виктор Тернер. Этот шаг был необходим для того, чтобы вывести этнографическую практику из-под власти представлений об универсальных социальных системах, структуре и форме социального в сторону частных, индивидуальных практик и людей как таковых: «...Тернер хотел, чтобы профессиональный дискурс наук о культуре (cultural studies) оказался в состоянии схватывать борьбу, страсть и праксис деревенской жизни, которые он сам в полной мере ощутил при работе в поле»³¹.

Нам кажется, что Конкергуду удалось очень верно подобрать и использовать именно эти слова – «борьба» (struggle) и «страсть» (passion) – для того, чтобы передать отличие подхода Тернера от конвенционального подхода социальных теоретиков. С одной стороны, эти слова не выглядят вычурными заимствованиями из театрального лексикона, а с другой – в полной мере передают характер новаций Тернера в области выбора языковых средств, которые использовались им для создания человекообразного повествования в области социальных наук. Тезаурус становится методологией.

Далее Конкергуд перечисляет особенности перформативности как особого модуса письма в социальных науках: «Преимуществом перформативной парадигмы письма является возможность выражения того конкретного, участвующего, динамического, интимного и опасного опыта, который получен в поле и укоренен в переживании контингентности исторического процесса и индивидуальной идеологии автора. Перформативная парадигма предполагает взаимодействия лицом к лицу вместо отвлеченных абстракций и редукций»³².

Движение языка этнографии в сторону перформативности ознаменовало рождение новой идеологии письма, в рамках которой на смену девизу «мир как текст» пришел иной девиз – «мир как представление (performance)». Это позволило отыскать еще одну лазейку, ведущую прочь от тех логических тупиков самоопровержения, в которых оказались теоретики радикальной критики языка как вместилища фиксированного – и потому диктующего свою волю – набора интерпретативных идеологий.

³⁰ Geertz, Clifford. 1983. *Local Knowledge: Further Essays in Interpretive Anthropology*. New York: Basic Books. P. 22.

³¹ Conquergood, Dwight. 1991. "Rethinking Ethnography: Towards a Critical Cultural Politics." *Communication Monographs* 58(2):179-194. P. 187.

³² Ibid.

Открывшийся в результате такого смещения теоретической оптики веер новых исследовательских стратегий (и, конечно, связанных с ними набором нерешенных вопросов) Дуайт Конкергуд сводит к следующим пяти³³:

Первое. *Перформанс и культурный процесс*. То есть, каковы концептуальные последствия мышления о культуре не как о свершившемся результате, но о процессе? Что – в теоретическом смысле – произойдет, если мы попытаемся помыслить культуру и социальное в терминах постоянно разворачивающегося перформанса, вместо терминов реифицированной системы или структуры?

Второе. *Перформанс и праксис этнографии*. Каковы методологические импликации мышления о полевой работе как непрерывно творящейся коллаборативной работе по производству сюжета (fiction) силами наблюдателя и наблюдаемого? Как отличается такого рода подход к полевой работе от привычного подхода, связанного со сбором полевой информации?

Третье. *Перформанс и герменевтика*. Какого рода знание получает особые привилегии, а какое, наоборот, вытесняется из области внимания в том случае, когда опыт перформанса превращается в способ познания, метод критического рассмотрения действительности и способ понимания происходящего?

Четвертое. *Перформанс и традиционные формы представления научного знания*. Какие риторические трудности возникают при попытке представить в научной среде результаты исследования, базирующегося на перформативной парадигме?

Пятое. *Политики перформанса*. Каковы отношения между перформансом и властью? Каким образом перформанс продуцирует, поддерживает, бросает вызов, видоизменяет, критикует и натурализирует идеологию?

Рассматривая этот небольшой перечень исследовательских областей и вопросов, индуцированных такого рода проблематизацией этнографического метода, Конкергуд пишет, что многое, на самом деле, уже было сделано, чтобы каким-то образом внести ясность по отношению к сказанному. Тем не менее, сама сущность обозначенного подхода подталкивает авторов не только заниматься «неудобным письмом», но и противопоставлять себя, в некотором смысле, господствующим в академическом мире практикам. Говоря об этом, Конкергуд иронично замечает, что сила, подталкивающая ученого создавать тексты, настолько велика, что даже самые отчаянные критики господствующего в академии дискурса до сих пор так и не смогли отказаться от формата печатной репрезентации итогов своих работ.

³³ Ibid. P. 190.

Коллаборативный и командный подходы к организации этнографической работы

Борьба с властью языка и неизбежность его использования, острая критика метода включенного наблюдения и возврат к субъект-объектной дихотомии, отрицание тотального требования «публикационной активности» в стенах академии и неизменная необходимость печататься – таков оказался гордиев узел противоречий, к которому вплотную подошел проект постмодернистской критики оснований этнографического метода к началу нового столетия.

Какого-либо внятного консенсуса относительно приемлемого разрешения обозначенных проблем, насколько нам известно, в рамках социальных наук до сих пор выработано не было. Тем не менее, мы можем говорить о наметившемся согласии по поводу того, какие возможны тактики по обходу этих «узких мест» теории. Первая из них заключается в разработке концепции «публичного» социального знания, вторая – в откате к «докризисным» образцам выработки знания «академического» характера. В этом смысле очень показательной является дискуссия, развернувшаяся на Всемирном социологическом конгрессе в Йокогаме в июле 2014 года между двумя титанами от социологии – Майклом Буравым и Петром Штомпкой.

Буравой, как известно, является проповедником проекта «публичной социологии», призванной не «просто» объяснять социальную действительность, но быть, одновременно и тем зеркалом, в котором общество видит себя без прикрас, и тем рупором социальных изменений, которые призваны гармонизировать и гуманизировать сложившуюся на сегодняшний день ситуацию глобального неравенства в мире.

Штомпка, напротив, призвал социологов к тому, чтобы, условно говоря, «вернуться в библиотеки». Польский социолог убежден, что место социального исследователя не на улице – в роли публичного активиста – но за книгой. Пожалуй, самыми запоминающимися в этом контексте стали следующие его слова: «...большинство социологов (включая меня самого) настроены реформаторски, однако наши активистские устремления смогут быть реализованы не путем морализаторства, вознесения молитв или создания идеологических манифестов, но лишь через постижение закономерностей социальной жизни, включая те из них, которые являются причиной возникновения и утверждения вопиющих неравенства и несправедливости в мире. Карл Маркс большую

часть своей жизни провел в библиотеках, а не на баррикадах, а гигантом социальной науки он стал не благодаря «Communist Manifesto», а благодаря «Das Kapital»³⁴.

Дискуссия между Буравым и Штомпкой – сколь бы показательной она ни была – не может служить веским аргументом в нашем рассуждении; разве что любопытной иллюстрацией тех процессов, которые происходят здесь-и-сейчас в области социальных наук. Для того, чтобы подкрепить высказанное чуть выше мнение насчет возможных тактик выхода из тех теоретических тупиков, в которых обнаружил себя проект постмодернистской этнографии, нам необходим случай более частного порядка, однако, в то же время, более приближенный к реалиям и проблемам этнографии. Таким «частным случаем» является проект коллаборативной этнографии, связываемый обычно с небольшой группой исследователей, номинальным «главой» которой принято считать Эрика Ласситера.

В его довольно многочисленных и часто цитируемых работах³⁵, посвященных разработке метода коллаборативной этнографии, можно встретить прямые утверждения, касающиеся затронутой нами проблематики, например: «Коллаборативная этнографическая практика имеет весь необходимый потенциал для того, чтобы свести воедино как академическую, так и прикладную антропологию; как феминистские, так и постмодернистские подходы; как американскую, так и другие антропологические традиции с той целью, чтобы получить на выходе антропологию того рода, которой под силу, как сказал Пикок, «проникнуть в самые глубокие тайны человеческой души и рода» и «подтолкнуть нас к тому, чтобы создать нечто стоящее за рамками дисциплинарных и академических границ»³⁶.

Сама же по себе практика коллаборативной этнографии определяется Ласситером как «такой подход к этнографии, в рамках которого особое значение намеренно и эксплицитно придается процессу со-действия на всех этапах этнографической работы – включая и концептуализацию, и полевой этап, и – что особенно важно – этап создания текстов. Коллаборативная этнография привлекает консультантов к созданию их собственных комментариев и пытается сделать эти комментарии частью создаваемого

³⁴ Sztompka P. Ten Theses on the Status of Sociology in an Unequal World // Global Dialog [Электронный ресурс] код доступа: <http://isa-global-dialogue.net/ten-theses-on-the-status-of-sociology-in-an-unequal-world/>

³⁵ См., например: Lassiter, L. E. and E. Campbell. 2010. "What Will We Have Ethnography Do?." *Qualitative Inquiry* 16(9):757-767; Lassiter, L. E. 2005a. *The Chicago Guide to Collaborative Ethnography*. Chicago: University of Chicago Press; Lassiter, Luke Eric. 2005. "Collaborative Ethnography and Public Anthropology." *Current Anthropology* 46(1):83-106; Lassiter, Luke Eric. 1998. *The Power of Kiowa Song*. Tucson: University of Arizona Press; Lassiter, Luke Eric, Hurley Goodall, Elizabeth Campbell, and Michelle Natasya Johnson, eds. 2004. *The Other Side of Middletown: Exploring Muncie's African American Community*. Walnut Creek, CA: AltaMira Press.

³⁶ Lassiter, Luke Eric. 2005. "Collaborative Ethnography and Public Anthropology." *Current Anthropology* 46(1):83-106. P. 97.

текста. В то же время, этот процесс со-действия является полностью интегрированным в методику полевой работы»³⁷.

По поводу сказанного о проекте коллаборативной этнографии и публичной антропологии Ласситера необходимо сделать два замечания. Во-первых, пафос и программа «публичной» науки действительно имеет определенные шансы на преодоление тех трудностей, которые мы видим у этнографов-постмодернистов: тесное со-действие (коллаборация) между исследователем и исследуемым потенциально способно снять субъект-объектную проблематику в рамках совместно создаваемого текста; такой текст, в виду наличия «этнокомментариев», не грешит идеологической нагруженностью и способен дать слово и голос тем, кто находится за стенами академии, сам статус которой здесь также переосмысливается.

Во-вторых, однако, не стоит упускать из вида и тот факт, что коллаборация в рамках этнографических предприятий может возникать не только между исследователем и исследуемым, но и между несколькими исследователями. В этом случае мы должны говорить не о коллаборативной этнографии, но об этнографии командной.

Однако и такого различия еще явно недостаточно для прояснения вопроса – во многом из-за неоднозначности самого термина. Так, например, согласно Хаммерсли и Аткинсона³⁸, любая этнографическая работа – дело коллективное, так что вносить в определение дополнительную градацию не имеет большого смысла. На этот факт обратили внимание два исследователя – Тина Клерк и Ник Хопвуд³⁹, когда попытались все же дать дефиницию тому, чем они занимались в рамках своего долгосрочного (6 месяцев) этнографического проекта.

Первое, что бросилось им в глаза, был тот факт, что их работа не является в полной мере ни коллаборативной этнографией с ласситеровским смыслом, ни той командной этнографией, о которой говорится в самых разных источниках⁴⁰. И тогда они пошли от противоположного: «Состав нашей команды не слишком хорошо отвечал требованиям интердисциплинарности, несмотря на разницу в личном и профессиональном бэкграунде... Наши эпистемологические воззрения были в достаточной мере согласованы, так что не было большой нужды обсуждать проблемы «валидности» или

³⁷ Lassiter, L. E. 2005a. *The Chicago Guide to Collaborative Ethnography*. Chicago: University of Chicago Press. P. 16.

³⁸ См. Hammersley, Martyn and Paul Atkinson. 1996. *Ethnography: Principles in Practice*. London: Routledge. P. 2-22.

³⁹ Clerke, Teena; Hopwood, Nick. 2014. "Doing ethnography in teams. A case study of asymmetric in collaborative research". *Springer Briefs in education*.

⁴⁰ См., например: Liska Belgrave, L., & Smith, K. J. (2002). Negotiated validity in collaborative ethnography. In N. K. Denzin & Y. S. Lincoln (Eds.), *The qualitative inquiry reader* (pp. 233–255). Thousand Oaks: Sage Publications; Erickson, Ken C. and Donald D. Stull. 1998. *Doing Team Ethnography: Warnings and Advice*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications; Gerstl-Pepin, Cynthia I. and Michael G. Gunzenhauser. 2002. "Collaborative Team Ethnography and the Paradoxes of Interpretation." *International Journal of Qualitative Studies in Education* 15(2):137-154; Creese, A., A. Bhatt, N. Bhojani, and P. Martin. 2008. "Fieldnotes in Team Ethnography: Researching Complementary Schools." *Qualitative Research* 8(2):197-215.

«вариабельности»... Мы не составляли никаких формальных договоров о командной работе и не проводили регулярных дебрифингов... Полевые заметки не писались нами совместно; больше того, этими заметками мы далеко не всегда делились друг с другом... Наша команда сложилась до начала полевого этапа, но несмотря на это самую полевую работу мы начали в разное время... И, наконец, отношения внутри нашей команды складывались органически, а методологические практики претерпели не одно изменение за время работы»⁴¹.

На первый взгляд может показаться, что такой подход к организации исследования есть не более чем следствие недостаточной подготовки. С другой же стороны, нам известно, что всякая полевая практика неизбежно вносит свои – порой весьма существенные – коррективы в любой исследовательский план. Поле малопредсказуемо. В этом смысле, *органицистская* метафора, которую используют авторы книги, описывая процесс становления своей команды, может оказаться как довольно продуктивной, так и в должной мере отвечающей реалиям. В этом случае метафора не просто имеет существенную объяснительную силу, но и выступает своеобразным методологическим принципом, на базе которого вполне могут быть выстроены конкретные программы полевых исследований. Преимущества такого подхода к делу заключаются как в достаточной гибкости порождаемых им практик, так и в высокой степени приспособляемости командной жизни к изменчивым и противоречивым условиям социальной среды.

Авторы, тем не менее, не углубляются в порождаемое метафорой организма пространство ясности, а выбирают другой путь, иную метафору – метафору *асимметрии*. Асимметричными – в нейтральном, почти геометрическом смысле этого слова – они называют как личные отношения внутри своей команды, так и набор реализуемых ими в поле исследовательских практик.

На уровне личного взаимодействия асимметрия между Тинной Клерк и Ником Хопвудом выражается, например, в том, что один из членов команды является ее номинальным руководителем, второй – ассистентом-исследователем.

На уровне практик (авторы даже приводят небольшую сводную таблицу) асимметрия становится видна, когда начинает учитываться, например, количество взятых интервью, сделанных фото, зарисовок, частота и регулярность визитов к респондентам и т.п.

⁴¹ Clerke, Teena; Hopwood, Nick. 2014. "Doing ethnography in teams. A case study of asymmetric in collaborative research". Springer Briefs in education. P. 15.

Метафора асимметрии становится стержнем, вокруг которого собирается методический сюжет книги Клерк и Хопвуда. Сюжет содержательный – собственно, не этнография этнографии, а этнография госпиталя, в котором и проходила работа авторов – наращивается поверх рассказа об особенностях асимметричной командной этнографии.

Если возвращаться к разговору о том, каким образом можно классифицировать способы разрешения теоретических проблем постмодернистского этнографического проекта, то надо сказать, что, кажется, наравне с концептом публичной науки (Буравой, Ласситер), Клерк и Хопвуд нащупали свой собственный путь. Его особенность заключается не в активистской организации труда социального исследователя, но в полном дезавуировании труда вполне академического толка.

В рамках такого подхода к делу переосмысляется, например, набившая оскомину проблема субъект-объектной дихотомии, так как коллективный познающий субъект Клерк и Хопвуда существенным образом переопределяется в виду размытия границ его академической идентичности. Создающийся по итогам исследования текст, с другой стороны, выглядит вполне новаторски. Несмотря на то, что нам известны довольно подробные описания глубоко личных, иногда даже интимных переживаний, испытываемых этнографом в поле (дневники Б. Малиновского и К. Леви-Стросса тому пример), обсуждаемая работа претендует на большее – а именно, на то, чтобы дезавуировать все самые «больные места» научного метода как такового.

В этой части работы мы попытаемся дать насколько возможно полное описание тех методик и процедур, которые применялись и имели место в ходе командной этнографической работы в г. Сатке. Мы намерены сделать это с опорой на концепт асимметрии, предложенный Клерк и Хопвудом, не упуская, тем не менее, из вида и метафору органицизма в ее приложении к становлению и жизни этнографической команды. В фокусе этого описания будут не столько личные отношения между участниками саткинского проекта (хотя для Клерка и Хопвуда нарратив о личных биографиях и особенностях взаимодействия исследователей на персональном уровне играет очень важную роль), сколько асимметрии методического характера. В конце раздела мы покажем, какими именно достоинствами обладает такой подход к организации полевой работы.

Начнем с того, что приведем еще один отрывок из книги Клерка и Хопвуда, где они, опять двигаясь от противного, пытаются отстроить свое представление об асимметричности.

Итак: «Возможно будет полезным для начала с полной ясностью указать на то, что наша коллаборативная командная этнография в себя **не включала** [выделение авторское]:

- **Работа в разных местах** – наше исследование проводилось только на одной территории;
- **Полное погружение** – наши посещения того места, где проводилось исследование, были не регулярны, многое зависело от конкретного периода времени, дня недели или месяца;
- **Устойчивый распорядок посещения поля** – у каждого из нас были различные даты начала и окончания визитов (по административным причинам) и различное же их расписание (по причине наличия/отсутствия свободного времени);
- **Идентичные полевые практики** – несмотря на то, что мы пользовались одними и теми же исследовательскими методами, такими как наблюдение, сбор документов и разнообразной визуальной информации, наши методологические практики различались самым кардинальным образом;
- **Регулярные запланированные обсуждения** – наши обсуждения и дебрифинги случались спорадически, например, во время езды на машине до дома или по электронной почте. Большинство из них никак не фиксировались...;
- **Совместное чтение полевых заметок** – наши полевые заметки возникали «естественным» путем, независимо друг от друга; мы практически не делились ими во время полевого этапа работы. Это делалось нами намеренно, с той целью, чтобы первые впечатления не подвергались влиянию со стороны и были в полной мере индивидуальными...
- **Идентичные роли и равное распределение задач** – не идентичные и равные, но в зависимости от того, кто руководитель команды, а кто ассистент»⁴².

Этот небольшой список методических асимметрий между тем, что вменяется делать исследователю в поле и тем, что в поле реально происходит, представляется нам довольно показательным, за исключением того, что в нем не проблематизируются еще два аспекта этнографической работы. Возможно, эти аспекты были не так важны для Клерк и Хопвуда, однако при описании саткинского проекта без разговора о них обойтись вряд ли получится. Мы имеем в виду, во-первых, асимметрии, возникшие между первичной

⁴² Clerke, Teena; Hopwood, Nick. 2014. "Doing ethnography in teams. A case study of asymmetric in collaborative research". Springer Briefs in education. P. 15-16.

концептуализацией и спецификой сконструированного до поля инструментария и тем, что произошло с тем и другим во время и после полевого этапа.

Во-вторых, мы ведем речь об асимметриях между тем статусом исследовательской команды, который мыслился ее участниками до приезда на Урал, и тем статусом, который она обрела по итогам этой поездки.

Асимметрии опросного инструментария

Как можно видеть, изначально исследование задумывалось, по большому счету, как экономико-социологическое. В соответствии с этими планами были разработаны два гайда. Во-первых, это гайд для экспертных интервью (см. Приложение 1) с руководителями производств и организаций в г. Сатке, отвечающими за работу с персоналом. Этот гайд носил преимущественно экономический, нежели социологический характер, причем в его структуру был включен блок вопросов относительно «неформальной занятости».

Мы надеялись, что по ходу разговора – полу-структурированный характер гайда позволял это сделать – мы смогли бы коснуться не только того, как происходит и насколько распространена в городе оплата труда по «серым схемам», но и расспросить наших респондентов об особенностях «расширенной занятости» по тем лекалам, которые предложены в работах Глюксманн-Тейлор.

Во-вторых, перед полем был составлен гайд для проведения фокус-групп (см. Приложение 2), ориентированный на то, чтобы поговорить с рабочими старших возрастов об их экономическом положении, особенностях занятости на предприятиях, специфике положения промышленных рабочих как отдельной группы трудящихся, о пенсиях, о внутрипоколенческих конфликтах в рамках индустриальных коллективов и т.д.

Одно из требований к проведению экспертных интервью гласило (это отражено в структуре гайда), что все вопросы, которые имеются в его составе, должны быть заданы, причем заданы в определенном порядке; допускались лишь небольшие отступления от формулировок и настолько же небольшие пояснения смысла того, о чем говорится. На практике оказалось, что вести разговор по этому гайду не то чтобы невозможно, но крайне неловко и странно. Это ощущение разделяли как оба члена саткинской этнографической

команды (далее – Д. Р. и В. К.; как и в случае с проектом Клерк и Хопвуда, членов команды в Сатке было двое, при том, что Д. Р. – руководитель проекта, а В. К. – ассистент-исследователь, т.е. распределение ролей также получилось аналогичным распределению у американских авторов), так и их собеседники, судя по оставшимся после разговоров впечатлениям.

Причина нелепости гайда заключалась в использованных при его составлении формулировках (справедливости ради стоит отметить, что в процессе подготовки этого гайда участвовала еще одна заинтересованная сторона, имеющая лишь опосредованное отношение к саткинской полевой группе). Чего стоит один только вопрос №7: «Какое влияние на ваш бизнес оказало снижение ставок страховых взносов на обязательное пенсионное страхование в 2012 году: с 26% до 22%? снижение ставки по ЕСН с 35,6% до 26,0% в 2005 году? Оказало ли это влияние на кадровую политику в вашей организации? (изменился ли уровень оплаты труда, уровень занятости, объем социального пакета и т.д.?)».

Большинство экспертов, которым задавался этот и подобные ему вопросы, при ответе выбирали тактику уклонения от точных формулировок и однозначных суждений. Из всего корпуса экспертных интервью особое внимание привлекли три: во-первых, интервью с генеральным директором Р., который оказался единственным человеком, готовым компетентно ответить на вопросы гайда; во-вторых, интервью с заместителем генерального директора другой организации – В., который, судя по всему, совершенно не был знаком с тематикой гайда и поэтому говорил о каких угодно других вещах, но только не о ставках по налогам и корпоративном пенсионировании; и в-третьих, интервью с директором регионального отделения одного из банков г. Сатки, назовем ее Н., которая подготовилась к беседе, составив список ответов на вопросы гайда заранее и при разговоре зачитывала их с экрана своего компьютера.

Такой инструмент, конечно, оттолкнул от себя. В результате *возникла асимметрия между вмененной необходимостью задавать вопросы строго по имеющейся формулировке и реальной практикой по видоизменению этих формулировок в ходе живого общения с людьми.*

Больше того, помимо коррекции формулировок были и прямые пропуски обязательных к озвучиванию вопросов. Так, по ходу интервью с заместителем генерального директора В., автору пришлось пропустить несколько вопросов подчистую, чтобы не смущать респондента и не оказываться самому в дурацком положении, выслушивая совершенно постороннюю информацию, не имеющую никакого отношения к теме беседы.

Другой асимметрией, связанной с гайдом экспертного интервью, стала практика по – назовем это так – *сглаживанию впечатления от разговора*, а также практика по *вторичному отбору респондентов*. Дело в том, что до начала полевого этапа была согласована выборка экспертов из разных отраслей производства, бизнеса и государственных учреждений, с которыми планировалось поговорить по злосчастному гайду. Однако, осознав все несовершенство инструмента, члены группы немедленно пришли к согласию относительно того, что, во-первых, если и работать по такому гайду, то уж тогда после серии необходимых вопросов нужно обязательно поговорить с экспертом дополнительно, пытаясь вывести разговор в биографическое русло. Таким образом, члены исследовательской команды могли как получить действительно ценную этнографическую информацию, так и немного подбодрить себя и собеседника после изматывающего формального разговора.

Вторичный отбор респондентов в данном случае заключался в том, что имеющаяся выборка экспертов во многом интуитивным образом была поделена на две группы – с кем-то разговор по гайду не шел вовсе (в таком случае бралось большое биографическое интервью), а с кем-то такой разговор все же проводился.

Нам представляется, что это еще одна асимметрия, связанная с особенностями имевшегося на руках инструмента – *несоответствие необходимости соблюдать границы выборки с нарушениями этих границ в рамках реальной практики*.

Особая ремарка должна быть сделана по отношению к проводившимся биографическим интервью. Дело в том, что формального гайда для этого вида работы не составлялось, имелся лишь приблизительный план разговора, нигде и никак не фиксировавшийся. Тем не менее, отсутствие формальной структуризации инструмента не означает отсутствие инструмента как такового. Скорее, в этом случае уместно воспользоваться уже упоминавшейся метафорой организма – в отсутствие внешней по отношению к себе формальной организации, инструмент реализует весь потенциал приспособляемости к среде, т.е., другими словами, создается не искусственным образом заранее, но «вращивается» непосредственно в поле, и даже более того – непосредственно в момент своего применения во время интервью. Как стало ясно впоследствии, именно биографические нарративы явились источником наиболее ценной этнографической информации.

Здесь же надо отметить, что гайд для проведения фокус-групп оказался достаточно надежным и релевантным инструментом, в результате чего не понадобилось ни сильной коррекции формулировок, ни манипуляций с составом фокус-групп. Больше того, именно те четыре фокус-группы, которые были проведены в ходе саткинского поля, дали много

важного этнографического материала, что привело, в итоге, к видоизменению заготовленных заранее концептуальных схем.

Асимметрии локализации

Клерк и Хопвуд пишут, что обыкновенным образом понимаемая командная этнография предполагает работу на разных территориях (см. цитировавшийся ранее отрывок). В их случае этого не произошло, в связи с чем они склонны считать это обстоятельство еще одной асимметрией их проекта.

Говоря о Сатке, надо заметить, что работа велась преимущественно в самом городе, однако исследовательская команда обитала (и проводила значительную часть времени) на удалении примерно в 35-40 километров, на территории базы отдыха «Зюраткуль». Кроме этого, изредка совершались кратковременные выезды в располагающиеся неподалеку города и селения (Бакал, Межевое).

Если следовать простому формальному основанию подсчета количества мест, где проводилась работа, в нашем случае все было в порядке – никаких асимметрий. В Сатке была проведена львиная доля всех интервью, все фокус-группы, был изучен город, посещены основные (и совершенно побочные) места, сделано множество фотографий и аудиозаписей, проведены наблюдения и разговоры со случайными прохожими.

В Бакале и Межевом также проводились наблюдения (достаточно кратковременные), сделаны снимки, наблюдения, проведены разговоры.

Самое же любопытное в отношении тех мест, где мы пытались делать этнографию, касается базы «Зюраткуль». Эта база, располагающаяся на территории одноименного национального парка, является резиденцией собственника градообразующего предприятия города Сатки – завода (и группы компаний) «Магnezит». Именно этот собственник – предприниматель К. – являлся тем человеком, который пригласил в Сатку Летнюю школу отделения культурологии НИУ ВШЭ, в составе которой (номинально) значилась и наша Группа по изучению культуры рабочих старших возрастных групп.

Градообразующее предприятие такого масштаба, какой имеет завод «Магnezит», не может существовать в отрыве от представителей местного бизнеса и властных структур. В связи с этим, база отдыха «Зюраткуль» представляет собой идеальное место для изучения

локальных элит, являющихся настолько же легитимным объектом рассмотрения со стороны этнографа, как и, например, рабочие указанного завода.

По сути дела, в ходе этнографической работы в Сатке единственной возможностью включенного наблюдения были длительные, порой изматывающие застолья в компании представителей различных элитных групп, так или иначе относящихся к «Магнезиту» и его руководству. Тем не менее, потенциал такого наблюдения не был реализован в полной мере, т.к., помимо естественным образом формировавшихся наблюдений, от этих довольно ценных с точки зрения сбора этнографической информации встреч не осталось никакой зафиксированной информации.

На наш взгляд, это можно расценить как случай полевой асимметрии, причем индуцированной этическим конфликтом: допустимо ли, находясь в гостях, просить хозяина и остальных приглашенных говорить под запись? Размышляя в гостевой логике – это абсурд. Остается открытым вопрос о том, где проходит граница этой гостевой логики (с сопутствующей ей этикой) и логики этнографа.

Асимметрии погружения

Как и в случае с проектом Клерк и Хопвуда, наши посещения тех мест, где проходила работа, большую часть времени не подчинялись фиксированному расписанию. Точнее говоря, такое расписание существовало (оно было составлено до нашего прибытия в Сатку), однако каждая встреча и каждое интервью были своего рода событием. Говоря о «событии», мы не имеем в виду какого-то пафоса и, говоря так, мы лишь пытаемся подчеркнуть разницу между ежедневной рутинной и набором изолированных встреч.

Другими словами, погружение так же связано с рутинной (рутинами), как ряд спорадических встреч (спорадических потому, что запланированный график, конечно, через несколько дней сбился) с расписанием. Так что и эта асимметрия в саткинском проекте проявилась в полной мере.

Это обстоятельство, а также тот факт, что случаи действительно полного погружения в изучаемое сообщество довольно редки (Буравой, Вакан), подталкивает к тому, чтобы задаться вопросом об очередном уточнении характеристических этнографической работы.

Возможно, полное погружение и практики открытого сбора информации во время включенного наблюдения действительно являются конституирующими для нашей дисциплины, т.е. позволяют говорить об этнографии в полном смысле слова – на основании консолидированности метода. В таком случае, следует задуматься над тем, что такое асимметричная командная работа в поле – «проектная этнография»? «этнография рейда»? «этнография интервьюеров»?

Асимметрии распорядка

Устойчивый распорядок посещения поля в ходе работы саткинской полевой группы также не соблюдался. По сути дела, у каждого из членов группы этот распорядок был индивидуальным, и зависело это во многом от распределения ролей в команде. В одних случаях разговор и наблюдения было удобно вести руководителю группы, в других – ассистенту. Важно отметить, что ценность собранного этнографического материала от этого зависела мало – все дело лишь в адаптации к режимам доступа к тому или иному информанту.

Помимо этого, стоит упомянуть и о такой на первой взгляд прозаичной вещи как доступ к транспорту. Отсутствие мобильности (в нашей группе был один автомобиль, без которого добраться от места проживания до поля – целое приключение длиной в день) выступает серьезным ограничителем в вопросах соблюдения распорядка в командной работе.

Асимметрии практик

Когда Клерк и Хопвуд говорят о единстве методических практик (способы сбора информации) у читателя их книги вряд ли возникают вопросы. Однако, когда речь заходит о практиках «методологических» – вопросы появляются.

Связано это с тем, что абзацем ранее они заявляют, что в их команде не было противоречий эпистемологического характера. Значит ли это, что, оставаясь на одних и тех же эпистемологических позициях, они расходятся на уровне методологии исключительно из волюнтаристских соображений?

В любом случае, говоря об асимметрии практик в рамках саткинского проекта, мы должны отметить, что, по всей видимости, в нашем случае несовпадений ни на одном из перечисленных уровней либо не случилось, либо же об этом просто рано говорить, т.к. такого рода асимметрии проявятся в текстах итоговых публикаций, каковых пока не появилось.

Здесь стоит отметить одну действительно регулярную процедуру, которая соблюдалась на протяжении всего пребывания в Сатке. Речь идет о систематизации собранного полевого материала. Диктофонные записи, фото, документы, контакты информантов – все это целенаправленно собиралось, кодировалось и размещалось либо на рабочем носителе, либо, если не было возможности перевести тот или иной артефакт в цифровой вид, – в специально отведенном для этих целей месте. Работа по поиску наилучших способов организации архива такого рода ведется не прекращаясь.

Конверсационные асимметрии

Попытки внести регулярность в обсуждение увиденного и услышанного в поле, равно как и в обсуждение протекания самого проекта, предпринимались. Тем не менее, эта идея не была реализована. Конечно, сами по себе разговоры (и споры) велись в поле, больше того – не исчезли они и после окончания полевого этапа, однако регулярности этой процедуры добиться не удалось.

Какие-то отдельные, разрозненные записи и пометки по результатам таких разговоров возможно и делались, однако ни одной случая систематической фиксации бесед не состоялось. Этот вопрос даже не обсуждался.

Асимметрии командной работы над эмпирическим материалом

Клерк и Хопвуд отмечают, что коллективной работы над полевыми заметками в их работе не состоялось, причем решение это было сознательное – преследовалась цель предохранения индивидуальных впечатлений от влияний со стороны коллеги.

В рамках саткинского проекта коллективная работа над текстами велась, причем постоянно, что, однако, не исключало и индивидуальных практик по подготовке тех или иных материалов на основании собранных в поле данных.

Перед отправкой в Сатку была решено, что написание текста, понимаемого в качестве основного результата этнографической работы, должно начинаться еще до возвращения и подведения итогов проекта. Отдавая себе отчет в том, что полноценные статьи или научные тексты иного формата вряд ли могут быть в полной мере завершены и приведены к должному виду в поле, члены группы работали в иных форматах.

Так, регулярно делались расшифровки отдельных – заинтересовавших особо – участков из взятых интервью. К этим участкам давался краткий комментарий, не претендующий на какую-либо глубину, но служащий в качестве напоминания о возникших идеях. Как правило, оба члена группы занимались этим индивидуально, изредка обмениваясь мыслями насчет возможных вариантов разворачивания того или иного сюжета впоследствии. Это были «заготовки».

Если то или иное интервью оказывалось достаточно компактным и, в то же время, насыщенным и интересным, то делалась полная его расшифровка, однако не сплошная, с передачей всего, что было произнесено, а выборочная, с выделением реплик респондента и вымарыванием вопросов интервьюера. Такой текст приводился к форме последовательного нарратива с сохранением особенностей индивидуальной речи информанта, причем в получившемся повествовании выделялись отдельные смысловые блоки, сводимые воедино определенным сюжетом. Как правило, этим сюжетом служила биография рассказчика.

Такая работа над интервью велась коллективно, обсуждалась необходимость включения тех или иных участков разговора в итоговый текст, его стилистические и композиционные особенности. Итоговый результат мы стали называть «судьбами».

В Сатке мы не вели индивидуальных полевых дневников, их место должна была занять работа над «заготовками». Это, с одной стороны, сильно экономило время, однако с другой – не давало возможности систематизировать лавинообразно накапливающиеся впечатления. Вместо дневников мы пытались писать что-то вроде расширенного

комментария к имевшемуся у нас расписанию встреч и интервью. Такая работа могла бы быть полезной, однако она все же не приобрела систематического характера.

По отношению к создававшимся текстам имелось одно правило, которого, несмотря ни на что, удалось придерживаться – в конце каждой недели пребывания в поле каждым членом группы должен был выдаваться на-гора какой-то законченный продукт. Это уже не могли быть просто расшифровки небольших фрагментов интервью или краткие комментарии по какому-либо поводу – это должен был быть полноценный текст, имеющий помимо личной еще и общую значимость, пусть и требующий небольшой стилистической или формальной доработки, но, по сути, практически готовый к публикации.

Необходимость в конце определенного периода времени иметь на руках такой «почти-готовый-текст» не смотрится, на первый взгляд, слишком жестким требованием, однако именно его наличие вносило в работу полевой группы особый внутренний ритм и выступало тем обстоятельством, которое структурировало внутреннее время экспедиции. По отношению к этому ритму можно было бы проследить наличие своих особенных асимметрий, однако для подобного анализа надо иметь четко сформулированный и закрепленный регламент, которого в таком виде у нас не было.

Итоги методической рефлексии

Описание всей совокупности методических и процедурных асимметрий, приведенное выше, выглядит, на первый взгляд, как сплошное отрицание устоявшихся представлений о том, как именно должна проводиться полевая работа. Однако задачей этого описания было не только раскрытие процессуальной подоплеки проекта. Ретроспективный взгляд на событийную канву поля необходим для того, чтобы подметить не одни лишь особенности формирования и видоизменения особой теоретической оптики, обретенной в результате взаимодействия с незнакомыми социальными обстоятельствами, но и для рефлексии по поводу взаимоотношений этнографа и его инструментария.

Нам кажется, что самой значимой методической находкой в этом отношении является то пространство ясности, которое появилось вслед за приложением старой-

доброй метафоры организма по отношению к методике полевой работы. Как известно, органическая метафора имеет свою оппозитивную пару – метафору механическую. Наверное, суть процесса появления обозначенных асимметрий в этнографической практике может быть описана через напряжение и противостояние, которое этой оппозитивностью порождается.

В то же время, внимание к асимметриям как таковым (и сам по себе выбор именно этой лексемы в качестве значимой и объясняющей) уже расставляет очевидные акценты. Приверженцы «механического» подхода к выбору и функционированию полевого инструментария вместо «асимметрий» обнаружили бы «отклонения» и «ошибки», что позволило бы, в свою очередь, развернуть аргументированную критику проведенной работы, не оставив камня на камне от всего того, что было сделано.

Выбирая, напротив, в качестве объясняющей модели весь тот веер смыслов, который сопровождает метафору «организма», мы выстраиваем иной дискурс и по-иному смотрим на вещи. В рамках такого взгляда нам становится очевидно, что «вращивание» инструментария – и теоретического, и прикладного – непосредственно в поле имеет множество преимуществ, основным из которых является приспособленность такого инструментария к изучаемой среде, его нечужеродность, естественность и гибкость.

Продолжая этот ряд аллегорий, отметим, что этап подготовки к полю представлял в нашем случае не подбор зрелых растений, которым предстояло быть пересаженными в чужую почву, но селекцию жизнеспособных семян, имеющих достаточно силы, чтобы взойти на отмеченном нами месте. Наблюдение за асимметриями есть наблюдение за всходами.

Литература

1. Burawoy, Michael. 1998. "The Extended Case Method." *Sociological Theory* 16(1):4-33.
2. Cheal, David J. 1985. *Moral Economy: Gift Giving in an Urban Society*. Winnipeg: Dept. of Sociology, University of Manitoba.
3. Clerke, Teena; Hopwood, Nick. 2014. "Doing ethnography in teams. A case study of asymmetric in collaborative research". *Springer Briefs in education*.
4. Conquergood, Dwight. 1991. "Rethinking Ethnography: Towards a Critical Cultural Politics." *Communication Monographs* 58(2):179-194.
5. Creese, A., A. Bhatt, N. Bhojani, and P. Martin. 2008. "Fieldnotes in Team Ethnography: Researching Complementary Schools." *Qualitative Research* 8(2):197-215.
6. Creese, Angela and Adrian Blackledge. 2012. "Voice and Meaning-Making in Team Ethnography." *Anthropology & Education Quarterly* 43(3):306-324.
7. Erickson, Ken C. and Donald D. Stull. 1998. *Doing Team Ethnography: Warnings and Advice*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.
8. Gaines E. R. 1995. "Postmodernism and anthropology". *Nebraska Anthropologist* Vol. 12: 69-73.
9. Geertz, Clifford. 1983. *Local Knowledge: Further Essays in Interpretive Anthropology*. New York: Basic Books.
10. Gerstl-Pepin, Cynthia I. and Michael G. Gunzenhauser. 2002. "Collaborative Team Ethnography and the Paradoxes of Interpretation." *International Journal of Qualitative Studies in Education* 15(2):137-154.
11. Gerstl-Pepin, Cynthia I. and Michael G. Gunzenhauser. 2002. "Collaborative Team Ethnography and the Paradoxes of Interpretation." *International Journal of Qualitative Studies in Education* 15(2):137-154.
12. Gibson-Graham, J. K. 2008. *Diverse economies: performative practices for 'other worlds'*. In *Progress in Human Geography* 32 (5), pp. 613–632.
13. Gluckman, Max. 1940. "Analysis Of A Social Situation In Modern Zululand." *Bantu Studies* 14(1):147-174.
14. Glucksmann, Miriam A. 1995. *Why Work? Gender and the Total Social Organization of Labour*. In *Gender Work & Org* 2 (2), pp. 63–75;
15. Glucksmann, Miriam. 2005. *Shifting boundaries and interconnections: Extending the 'total social organisation of labour*. In *The Sociological Review* 53, pp. 19–36.
16. Hammersley, Martyn and Paul Atkinson. 1996. *Ethnography: Principles in Practice*. London: Routledge.

17. Humphrey, Caroline and Stephen Hugh-Jones. 1992. *Barter, Exchange, and Value: an Anthropological Approach*. Cambridge: Cambridge University Press.
18. Humphrey, Caroline. 2002. *The Unmaking of Soviet Life: Everyday Economies After Socialism*. Ithaca: Cornell University Press.
19. Kapferer, B. 1988. "Review Article: The Anthropologist As Hero: Three Exponents of Post-Modernist Anthropology." *Critique of Anthropology* 8(2):77-104.
20. Lassiter, L. E. 2005. *The Chicago Guide to Collaborative Ethnography*. Chicago: University of Chicago Press.
21. Lassiter, L. E. and E. Campbell. 2010. "What Will We Have Ethnography Do?." *Qualitative Inquiry* 16(9):757-767.
22. Lassiter, Luke Eric, Hurley Goodall, Elizabeth Campbell, and Michelle Natasya Johnson, eds. 2004. *The Other Side of Middletown: Exploring Muncie's African American Community*. Walnut Creek, CA: AltaMira Press.
23. Lassiter, Luke Eric. 1998. *The Power of Kiowa Song*. Tucson: University of Arizona Press
24. Lassiter, Luke Eric. 2005. "Collaborative Ethnography and Public Anthropology." *Current Anthropology* 46(1):83-106.
25. Linstead, S. 1993. "From Postmodern Anthropology to Deconstructive Ethnography." *Human Relations* 46(1):97-120.
26. Liska Belgrave, L., & Smith, K. J. 2002. Negotiated validity in collaborative ethnography. In N. K. Denzin & Y. S. Lincoln (Eds.), *The qualitative inquiry reader* (pp. 233–255). Thousand Oaks: Sage Publications.
27. Marcus, G. E. and Fischer, M., 1986. *Anthropology as Cultural Critique. An Experimental Moment in the Human Sciences*. Chicago. University of Chicago Press.
28. Pahl, R. E. 1984. *Divisions of labour*. Oxford [Oxfordshire], New York, N.Y: B. Blackwell.
29. Powelson, John P. 1998. *The Moral Economy*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
30. Taussig, Michael T. 1986. *Shamanism, Colonialism, and the Wild Man: a Study in Terror and Healing*. Chicago: University of Chicago Press.
31. Tavory, I. and S. Timmermans. 2009. "Two Cases of Ethnography: Grounded Theory and the Extended Case Method." *Ethnography* 10(3):243-263.
32. Taylor, R. 2004 'Extending Conceptual Boundaries; Work, Voluntary Work and Employment'. *Work, Employment and Society*, Vol. 18 (1), pp. 29-49, Cambridge; Cambridge University Press.

33. Thompson, E. P., and Filippo Osella. 1991. The Moral Economy of the English Crowd in the Eighteenth Century.
34. Ulin, R. C. 1991. "Critical Anthropology Twenty Years Later: Modernism and Postmodernism in Anthropology." *Critique of Anthropology* 11(1):63-89.
35. Williams, C. C. 2011: Geographical variations in the nature of community engagement: a total social organization of labour approach. In *Community Development Journal* 46 (2), pp. 213–228.
36. Williams, C.; Nadin, S.; Rodgers, P.; Round, J. 2012. Rethinking the nature of community economies: some lessons from post-Soviet Ukraine. In *Community Development Journal* 47 (2), pp. 216–231.

ГАЙД ЭКСПЕРТНОГО ИНТЕРВЬЮ

Инструкция интервьюеру:

Нас интересуют развернутые ответы по каждому вопросу. Если респондент отвечает односложно, задавайте дополнительные вопросы, интересуйтесь мнением и позицией. Интервью записывается на аудио и будет в дальнейшем расшифровано. Продолжительность интервью должна быть не менее 40 минут! Опрашиваются руководители предприятий, финансовые директора, главные бухгалтера.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы проводит исследование занятости на предприятиях и в организациях.

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ

A1. Полное название организации (*запишите название*)

A2. Название региона РФ (республики, края, области)

A3. Населенный пункт (город, пгт, село)

A4. Сфера

1. Образование, наука
2. здравоохранение
3. Оптовая и розничная торговля
4. Финансы
5. Промышленность

ОБ ЭКСПЕРТЕ

A5. ФИО эксперта

A6. Должность

A7. Возраст эксперта _____ (лет)

А8. Контактные данные (телефон, email):

А9. Присутствовали ли третьи лица во время разговора с экспертом? (да/нет)

1. Да
2. Нет

А10. Информация о третьих лицах (ФИО, должность, контактные данные).

ЗАНЯТОСТЬ РАБОЧИХ

1. Расскажите, пожалуйста, о вашей организации. Какой вид деятельности является основным, какие еще виды деятельности предприятие выполняет ? (Для бюджетных организаций: есть ли виды деятельности, приносящие доход? насколько этот доход существенный для организации?).
2. Какова средняя численность всех работников? В среднем, какую долю составляют постоянные штатные работники (нанятые на постоянной основе по трудовым договорам)? Приходится ли Вам нанимать временных, сезонных работников, внешних совместителей работников по договорам гражданско-правового характера?
3. Приходится ли Вам нанимать подрядчиков на выполнение отдельных работ (услуг)? Как Вы считаете, прибегают ли мелкие подрядчики/ субподрядчики к разным методам экономии затрат на персонал? В т.ч. минимизации отчислений с зарплаты?
4. Если говорить об общем объеме затрат, какую долю в них составляют затраты на труд?
5. Как вы считаете, насколько приемлем существующая налоговая нагрузка на фонд оплаты труда в России (т.е. уровень страховых взносов на обязательное пенсионное, медицинское и социальное страхование)? Ограничивает ли существующий уровень взносов на обязательное пенсионное страхование развитие вашего бизнеса?
6. Как повлияло на ваш бизнес повышение уровня ставок страховых взносов на обязательное пенсионное страхование в 2011 году до 26%. Оказало ли это влияние на кадровую политику в вашей организации? (изменился ли уровень оплаты труда, уровень занятости, объем социального пакета и т.д.?)
7. Какое влияние на ваш бизнес оказало снижение ставок страховых взносов на обязательное пенсионное страхование в 2012 году: с 26% до 22%? снижение ставки по ЕСН с 35,6% до 26,0% в 2005 году? Оказало ли это влияние на кадровую

политику в вашей организации? (изменился ли уровень оплаты труда, уровень занятости, объем социального пакета и т.д.?)

8. Представим ситуацию, что государство снизило налоговую нагрузку. На вашем предприятии высвободившиеся деньги пойдут на (1) общее повышение зарплаты сотрудников (2) на повышение доли белой зарплаты или (3) на развитие бизнеса без изменения фонда оплаты труда?
9. Что вы будете делать, если увеличатся пенсионные отчисления? Какие меры в кадровой политике своей организации будете применять? (изменился ли уровень оплаты труда, уровень занятости, объем социального пакета, объем использования схем привлечения субподрядных организаций и т.д.?) Изменится ли структура фонда оплаты труда в этом случае?
10. Как вы считаете, насколько сейчас распространена неформальная занятость (занятость без оформления трудового или гражданско-правового договора) и скрытая оплата труда (оплата труда с которой не отчисляются пенсионные взносы) в вашей отрасли? Каковы причины этого?
11. На ваш взгляд, какие позитивные и негативные стороны есть у неформальной занятости и скрытой оплате труда? Выгодно ли это работодателям? Выгодна ли скрытая оплата и неформальная занятость работникам? Как вы высчитываете, кто больше заинтересован в неформальной занятости: работник или работодатель?
12. Как вы считаете, эффективны ли предпринимаемые в настоящее время государством меры по борьбе с неформальной занятостью и скрытой оплатой труда? Что должно сделать государство для сокращения неформальной занятости и скрытой оплаты труда?

КОРПОРАТИВНЫЕ ПЕНСИОННЫЕ СИСТЕМЫ (ПЛАНЫ)

Введение

В рамках стратегии долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации предусматривается создание и развитие корпоративного пенсионного обеспечения (формирования для работника дополнительной пенсии через дополнительные взносы работодателей). В зарубежных странах корпоративные пенсионные системы являются эффективным инструментом управления персоналом, позволяющим мотивировать работников, привлекать и удерживать высококвалифицированный персонал. В то же время в России распространённость корпоративных пенсионных планов невелика. В этой связи мы бы хотели узнать Ваше мнение о ключевых факторах препятствующих развитию корпоративного пенсионного обеспечения в России и уточнить Ваши предложения по мерам, направленным на развитие корпоративных пенсионных систем в России.

13. Есть ли в Вашей организации корпоративная пенсионная программа?
14. Есть ли в Вашей отрасли корпоративные пенсионные программы?
15. Нужна ли корпоративная пенсионная программа в рамках Вашего бизнеса? Если нужна, то почему? Выгодно ли это работодателю? работнику? Если не нужна, то почему?
16. Если на предприятии нет корпоративных планов, то обсуждалось ли их внедрение? Планируете ли у себя внедрять корпоративные пенсионные планы?

Вопросы 17-23 для организации, имеющей корпоративную пенсионную программу.

17. Расскажите, пожалуйста, подробнее о корпоративных пенсионных программах в Вашей организации. Кто в них, участвует (какие структурные подразделения? руководство или рядовые сотрудники?, какие параметры стажа, возраста и др.).
18. Для решения каких задач используется корпоративные пенсионные программы в Вашей организации?
19. Являются ли используемые в Вашей организации пенсионные программы программами с установленными взносами или с установленными выплатами?
20. Используется ли софинансирование пенсионных накоплений со стороны работников?
21. Каковы условия получения корпоративной пенсии (выработка определенного стажа, увольнение по достижении определенного возраста)?
22. Какие схемы пенсионных выплат применяются (единовременно после выхода на пенсию, пожизненно или на определенный срок)?
23. Являются ли существующие налоговые льготы стимулом для реализации корпоративных пенсионных программ? Что должно сделать государство для стимулирования развития корпоративных пенсионных программ? (льготы, упрощение администрирования, информационное-аналитическое содействие, др.?)

Вопросы 24-29 для организации, не имеющей корпоративную пенсионную программу, но считающей что корпоративная пенсионная программа нужна (для организации, высказывающей положительное отношение к корпоративным пенсионным программам)

24. Для каких групп работников Вы считаете нужна была бы корпоративная пенсионная программа в Вашей организации? (какие структурные подразделения? руководство или рядовые сотрудники? какие параметры стажа, возраста)? Для решения каких задач?
25. Должны ли это быть пенсионные программы с установленными взносами или с установленными выплатами?
26. Должно ли использоваться софинансирование пенсионных накоплений со стороны работников? Какой по Вашему мнению должен быть справедливый процент софинансирования?
27. Каковы должны быть условия получения корпоративной пенсии (выработка определенного стажа, увольнение по достижении определенного возраста)?
28. Какие схемы пенсионных выплат должны применяться (единовременно после выхода на пенсию, пожизненно или на определенный срок)?
29. Являются ли существующие налоговые льготы стимулом для реализации корпоративных пенсионных программ? Что должно сделать государство для

стимулирования развития корпоративных пенсионных программ? (льготы, упрощение администрирования, информационное-аналитическое содействие, др.?)

1. Код ОКВЭД _____

2. Количество работников

Интервью: Заполните табличку самостоятельно по материалам, предоставленным отделом кадров или бухгалтерией.

Всего	
Руководители организации и структурных подразделений	
Специалисты высшего и среднего уровня квалификации (требуется высшее или среднее специальное образование)	
Квалифицированные рабочие промышленных предприятий, обслуживающий персонал, неквалифицированные рабочие	

Приложение 2

АНКЕТА УЧАСТНИКА ФОКУС-ГРУППЫ

1. Ваше имя

2. Сколько Вам полных лет?

_____ (лет)

3. Какое у Вас образование?

Нет среднего профессионального

Среднее профессиональное

Высшее

4. Сколько человек живет вместе с Вами? (не считая Вас, если Вы живете один(-а) – поставьте - 0)

5. Вы работаете или нет?

1. Работаю

2. Не работаю

6. Какая Ваша должность? (если не работаете – укажите последнюю)

1. руководитель (организации, подразделения)

2. специалист высшего уровня квалификации (работа требует высшего образования)

3. специалист среднего уровня квалификации (работа требует среднего специального образования)

4. рабочий

7. К какой отрасли относится организация, в которой Вы работаете? (если не работаете – укажите последнюю)

1. промышленность
2. строительство, жилищно-коммунальное хозяйство
3. транспорт, связь
4. торговля, бытовое обслуживание населения
5. общественное питание, гостиницы
6. финансы, страхование
7. образование
8. здравоохранение
9. наука, культура, спорт
10. государственное управление, армия, мвд
11. другие виды услуг (охрана, реклама, архитектура, юридические, IT услуги и пр.), работа с недвижимостью
12. сельское хозяйство
13. другая отрасль (какая? _____)

6. Ваша организация относится к бюджетной или коммерческой? (если не работаете – укажите последнюю)

1. К бюджетной
2. К коммерческой

7. Получаете ли Вы пенсию?

1. да
2. нет

8. Какую пенсию Вы получаете?

1. трудовую пенсию по старости (в том числе досрочную за работу в особых условиях труда, в районах Крайнего Севера, пенсию учителям и врачам за выслугу лет)
2. трудовую пенсию по инвалидности (для инвалидов, имевших трудовой стаж)
3. трудовую пенсию по потере кормильца (для иждивенцев, умерший кормилец которых имел трудовой стаж)
4. социальную пенсию
5. государственную пенсию по выслуге лет (для госслужащих и военных)

6. государственную пенсию по инвалидности (инвалид-участник ВОВ; из-за военной травмы)

7. другая (какая? _____)

8. Оцените, пожалуйста, размер Вашей заработной платы:

1. 5 000 руб. и менее
2. 6 000-15 000 руб.
3. 16 000-20 000 руб.
4. 21 000-30 000 руб.
5. 31 000-50 000 руб.
6. Более 50 000 руб.

8. Оцените, пожалуйста, размер Вашей пенсии:

1. 5 000 руб. и менее
2. 6 000-15 000 руб.
3. 16 000-20 000 руб.
4. 21 000-30 000 руб.
5. Более 30 000 руб.

9. Доход Вашей семьи, включая Вас и людей, проживающих вместе с Вами?

1. 5 000 руб. и менее
2. 6 000-15 000 руб.
3. 16 000-20 000 руб.
4. 21 000-30 000 руб.
5. 31 000-50 000 руб.
6. 50 000-100 000 руб.
7. Более 100 000 руб.

10. Контактные данные (телефон, e-mail)

ГАЙД ФОКУС-ГРУППЫ

Здравствуйте. Спасибо большое, что смогли найти время принять участие в нашем обсуждении. Сегодня мы будем говорить о работе пожилых сотрудников на предприятиях и в организациях. Мы будем обсуждать общие вопросы занятости людей старшего возраста, но нам также очень важны какие-то конкретные истории и примеры из вашей жизни, вашего трудового опыта, те истории, которые происходили на предприятиях, на которых вы работали или работаете сейчас.

1. Для начала представьтесь, пожалуйста. Как вас зовут? Вы сейчас работаете или нет? Почему? Вы получаете пенсию или нет?
2. Хватает ли Вам Вашей заработной платы и пенсии для покупки самого необходимого? (еда, одежда, коммунальные услуги, лекарства)? Какие текущие расходы для Вас самые обременительные? Что Вы не можете себе позволить?
3. Есть ли у кого-то опыт смены отрасли занятости, должности предпенсионном и пенсионном возрасте? С чем это было связано?
4. Легко или сложно в предпенсионном возрасте найти работу? А после выхода на пенсию? Если сложно, то почему? Знаете ли вы случаи, когда люди в предпенсионном или пенсионном возрасте находили работу? На какой должности и в какой сфере обычно работают люди старшего возраста (такие как вы)? Куда легче устроится на работу в предпенсионном и пенсионном возрасте? Приведите, пожалуйста, примеры.
5. Как Вы думаете, молодым и людям старшего возраста на одинаковых должностях платят одинаковую зарплату или разную? Какой уровень зарплаты вы считаете минимально приемлемым?
6. Как вы считаете, до какого возраста можно и нужно работать мужчинам, женщинам? До какого возраста Вы планируете работать?
7. Как относятся работодатели (начальники) к работникам предпенсионных возрастов? А к работающим пенсионерам? На вашем предприятии и на других предприятиях? Как Вы думаете, какие есть преимущества и недостатки у работников пожилого возраста по сравнению с молодыми работниками?
8. Принуждают ли работодатели выходить работников на пенсию? С чем это связано? Знаете ли вы такие случаи? Уговаривают ли остаться работать? Расскажите подробнее.
9. Как вы считаете, должны ли сотрудникам пенсионного возраста предоставляться возможность перехода на льготные условия работы, удобный/подходящий для них

график, обязанности? Есть ли у Вас знакомые, которые перешли на льготные условия работы, удобный для них график работы или более легкие обязанности по достижении пенсионного возраста?

10. Считаете ли вы, что людям старше 50 лет надо проходить курсы повышения квалификации для поддержания своего профессионального уровня и успешной занятости? Если нет, то почему? Возможно, вы или ваши знакомые этого возраста проходили такие курсы? Было ли это полезно? Кто, по вашему мнению, должен быть инициатором повышения квалификации? Кто должен оплачивать обучение?
11. Способны ли люди старше 50 лет получать новое образование, новую профессию? Насколько сложно получить новое образование в старшем возрасте? Знаете ли вы такие случаи?
12. Насколько распространена в вашем городе практика неформальной занятости (без трудовой книжки, трудового или гражданско-правового договора)? Какие плюсы и минусы вы видите в неформальной занятости? Кому это выгодно?
13. Насколько распространена в вашем городе практика выплат зарплат «в конверте»? Какие плюсы и минусы вы видите в получении заработной платы «в конверте»? Кому это выгодно?
14. Как вы думаете, наше государство борется или не борется с неформальной занятостью и скрытой оплатой труда? Что оно для этого делает и что должно делать?
15. Как Вы думаете, что должно сделать государство для содействия занятости лиц в предпенсионном и пенсионном возрасте?